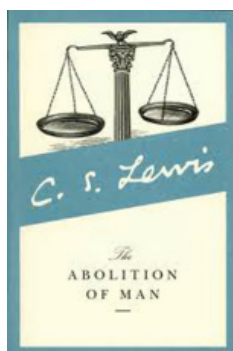

БОЖЬЯ ЛЮБОВЬ И БОЖИЙ СУД

в произведениях

К. С. ЛЬЮИСА

Аннотация: Статья посвящена анализу произведений Клайва Стрептона Льюиса с целью рассмотрения богословских воззрений К. Льюиса на проблему взаимоотношений Божьей любви и Божьего правосудия. Поднимается проблема восприятия Бога, а именно искаженное понимание Божьей природы с упором на один из Его атрибутов. Без сомнения, богословские воззрения К. С. Льюиса формировались на протяжении его жизни и отчасти обусловлены его сложными жизненными обстоятельствами. Автор пытается представить этот взгляд Льюиса для решения проблемы некоторых богословских крайностей, которые уже приобрели доктринальный характер в практике некоторых церквей. В статье подчеркивается здравая и сбалансированная позиция, которую в своих книгах и пытался сформировать выдающийся апологет XX века.

Ключевые слова: Божья природа, Божья любовь, Божье правосудие (суд), грех, атрибут, баланс, добро и зло, дуализм, свободный выбор, свобода воли, парадокс.

Дмитрий Муркин, бакалавр богословия (с отличием окончил Одесскую богословскую семинарию), пастор церкви ЕХБ «Дом Евангелия» (г. Балта, Одесская обл., Украина).

На протяжении истории богословие христианской церкви формировалось под влиянием различных объективных и субъективных факторов. Отнюдь не всегда оно отображало библейские ценности или принципы, а иногда и вовсе противоречило Писанию. Это касается и взгляда на природу Бога. Искаженное понимание Божьей природы породило целый ряд богословских крайностей. Одни крайние богословские позиции делают сильный упор на Божьей любви и благодати. Другие – на Его святости и правосудии. Эти смещенные акценты породили ряд негативных последствий в жизни многих христианских общин. Джон Макартур однажды написал: «Единственный и величайший фактор, который движет человеком Божьим – характер Бога, Которому он служит. Апостол Павел знал, что богословие, в узком смысле слова, контролирует поведение. Или, другими словами, жизнь человека отражает то о Боге, во что он действительно верит».^[1]

Безусловно, корень этой проблемы не только в богословии, но и в герменевтике и экзегетике Св. Писания, которые и формируют любое богословие. Эти богословские крайности оказывали и продолжают оказывать свое негативное влияние на последователей такого неверного мышления, на их мировоззрение, на поведение, на отношение к людям, к церкви, на методы благовестия и проч. Со временем некоторые из крайностей даже приобрели доктринальный характер и уко-

ренились в некоторых христианских конфессиях. Поэтому как раньше, так и сейчас перед людьми вновь стоит старая проблема совмещения Божьей любви и Божьего правосудия, на которую можно взглянуть через призму трудов классика апологетики и выдающегося христианского писателя XX века Клайва С. Льюиса.

Льюис как богослов

◆ Клайва Льюиса трудно называть богословом в том смысле, в каком принято понимать богословие, и, далеко не все доктрины, которых он придерживался, приемлемы для евангельских христиан. Однако в его произведениях можно проследить некоторую богословскую позицию, которая формировалась на протяжении всей жизни и писательской деятельности автора. И если можно определить литературную направленность Льюиса, то, пожалуй, его следует называть христианским философом, психоаналитиком^[2] и апологетом христианской веры.

Острые аналитические способности позволяли ему осуществлять пронизывающий анализ человеческой натуры и человеческих отношений с Богом. По большей части богословие Льюиса в целом связано с его жизненными обстоятельствами, прочитанными книгами и непосредственной связью с определёнными людьми. На протяжении своей жизни Льюис проделал несколько идеологических переходов: от “популярного реализма” (атеизм) к

ис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. Настигнут радостью. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 2006. – С. 406-416).

^[3] James Townsend. C. S. Lewis’s Theology: Somewhere Between Ransom and Reepicheep, <<http://www.faihalone.org/journal/2000i/townsend2000e.htm>>, Январь 2010.

^[1] Джон МакАртур. Толкование книг Нового Завета: 1 Тимофею. – Минск: Славянское евангельское общество. 2002. – С. 281.

^[2] Термин взят на основе автобиографии Льюиса: «...все мы увлеклись новой психологией. Мы не смогли принять ее целиком (мало кто был тогда на это способен), но все мы подпали под ее влияние» (см. К.С. Лью-

философскому идеализму; от идеализма к пантеизму; от пантеизма к теизму; и от теизма к христианству.^[3]

Творчество Льюиса может быть разделено на два периода: ранний, сфокусированный на анализе словесности английской литературы и культуры, и зрелый, характеризующийся ориентацией на христианскую философию морали. Однако сквозной темой, определяющей проблематику, как первого, так и второго названных периодов, выступает тема любви: если в 1930-е творческий интерес Льюиса был сосредоточен на аллегоризме трактовки любви в контексте средневековой культуры (в вариациях от поэтики трубадуров до Чосера), то к 1950-м у него вызревает фундированная христианской аксиологией концепция любви как практического милосердия^[4].

Учитывая тот факт, что Льюис воздерживался от того, чтобы называть себя богословом, не следует подвергать его строгой критике. Прежде, чем перейти к богословию Льюиса, необходимо выявить те некоторые события, которые оказали весьма сильное влияние на формирование его богословских воззрений, а также на его восприятие Бога.

Формирование богословских воззрений

◆ Начало 1940-х знаменуется для Льюиса радикальным мировоззренческим поворотом к христианству, который им самим осмысливается как обретение новой моральной истины и подлинной радости, вне которых высшим достижением нравственного чувства является лишь «смутная неприязнь к жестокости и денежной нечест-

Клайв Стрептон Льюис (1898–1963), фото 1947 года.

ности».^[5] Сам Льюис, до обращения к христианству «о целомудрии, правдивости и жертвенности знал не больше, чем обезьяна о симфонии».^[6] С июня 1930 до августа 1931 он прочитал: «Практику Присутствия Бога» Брата Лоренса, «Столетия Размышления» Томаса Трэхерна, «Личная Религия и Жизнь Преданности» Вильяма Инга, Ричарда Хукера, Джереми Тэйлора, и других.

Критические изменения происходили в сентябре 1931 года. Ночью 19 сентября, Льюис прогуливался и разговаривал (было около 4:00) с Дж. Р. Толкином и Х. В. Дайсоном о мифе и Христианстве. Главной идеей Хьюго Дайсона было то, что для верующего Христианство работает. Верующий наделён миром и освобождён от своих грехов. В то время Льюис чувствовал, что он что-то теряет, с каждым шагом у него оставалось всё меньше прав на его «собственную душу».^[7]

т. Т.8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 140.

^[6] Там же.

^[4] <<http://psylib.org.ua/books/gritz01/1%27juis.htm>>, Можейко М.А., апрель 2019.

^[5] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8

Клайв Льюис в молодости.

28 сентября 1931 года Льюис принял Иисуса Христа в своё сердце. Он описал это так: «Я ехал к зоопарку «Whipsnade» в коляске мотоцикла Уоррена. Вначале я еще не думал, что Иисус Христос – Сын Божий; когда мы добрались до места, я твердо это знал. Согласно 1Ин. 5.1 и 5.5, все те, кто верит, что Иисус – Сын Бога, «рождены от Бога».^[8] В декабре Льюис начал «общение», то есть, посещать общину в его местной англиканской церкви Хэдингтон. В письме Артуру Гривзу за 1 октября 1931 года, Льюис написал: «Я только что перешёл от верующего в Бога к явно верующему во Христа – в Христианство», – пишет Таунсенд.^[9]

^[7] К.С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. Настигнут радостью. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 2006. – С. 435.

^[8] Там же.

^[9] James Townsend. C. S. Lewis's Theology: Somewhere Between Ransom and Reepicheep, <<http://www.faihalone.org/journal/2000i/townsend2000e.htm>>, Январь 2010.

После обращения образ Божьей любви, явленной во Христе, стал для Льюиса некоторым мерилом, с помощью которого он рассматривал всё Писание. Он твердо верил в «естественный закон» и в человеческую совесть. Другое дело, что он не считал их достаточными, когда «придётся лететь»^[10] (так сказано в одном из его эссе – Человек или кролик»), не считал он возможным и утолить без веры «тоску по прекрасному», исключительно важную для него в отрочестве, в юности и в молодости.^[11]

Вера, по Льюису, выступает основой личной духовной состоятельности, обеспечивая человеку и возможность остаться на высоте в тех ситуациях социального выбора, «когда приходится летать», и возможность утолить исконную эстетическую «тоску по прекрасному», и психологическую возможность обретения глубинного душевного покоя. Как Августин (один из самых чтимых им богословов), он знал и повторял, что «не успокоится сердце наше, пока не успокоится в Тебе».^[12] Однако главным пафосом веры остается для Льюиса пафос моральный, задающий «добро и зло как ключ к пониманию Вселенной».^[13] Целью моральной эволюции в вере выступает в его трактовке «новое человечество», определяемое как «хорошие люди» – во всей исходной, стертой в обыденном языке и возвращаемой Льюисом глубине семантики этого понятия.

Понятие радости (joy) выступает для Льюиса ключевым, становясь основополагающим в его духовной автобиографии «Настигнут радостью», косвенно сопрягаясь с осуществленной Льюисом в раннем периоде его творчества аналитикой нормативного требования

радости, как основоположения любви в куртуазном ее понимании. В этом контексте Льюис четко очерчивает границу между двумя периодами своего творчества: «Когда я много лет назад писал о средневековой поэзии, я был так слеп, что счел культ любви литературной условностью».^[14]

Поиски радости, которой он придавал существенное значение, внезапно закончились. «По правде говоря, она почти перестала меня занимать с тех пор, как я стал христианином...теперь я знал, что если воспринимать её только как состояние собственного сознания, она не имеет той ценности, которую я некогда ей придавал, а существенна лишь потому, что указывает на что-то другое, запредельное».^[15] Однако, слово «радость» неожиданно обретает для Льюиса глубокий личный символизм, оказавшись позднее именем его любимой и смертельно больной жены Джой.

Брак с Еленой Джой Дэвидмен Грэншам — это, пожалуй, самое значимое событие, которое случилось с Льюисом, после его обращения в христианство. Однако после бракосочетания её боли на время прошли, и они прожили три счастливых года. В 1960 году Джой скончалась. Льюис тогда испытывал горечь потери, что определённо влияло на его понимание Бога. В связи с этим событием он написал трактат «Боль утраты. Наблюдения», где в

своих размышлениях он пытается понять Бога и Его отношения к человеку. Через три года 22 ноября 1963 года, скончался и Льюис.

В качестве члена англиканской Церкви Льюис принял англиканское положение относительно чистилища и молитв за мертвых, так же как осуществлению тайной исповеди грехов. Он верил в субстантивную реальность небес и ада, но был агностиком в вещах, таких как точное измерение и продолжительность ада.

В то время, как Льюис не был известен личным евангелизмом (например, многие из его студентов прошли годы обучения у него, так никогда и не узнав, что он был христианином), он стал одним из самых известных международных защитников христианской веры благодаря письменным трудам. Как отмечает Дэвид Кларк: «Он был евангелистом по-своему, предлагая читателям “реальные” Евангелия, что либералы делать не могли. Он направлял людей ко Христу с мягкостью, логикой и простотой».^[16]

Льюис не только мог что-то сказать практически на любую тему, он обладал даром облечь эти мысли в слова. «И если мы даже не соглашаемся с некоторыми из его теологических принципов, — пишет Таунсенд — нам больше необходимо беспокоиться о столкновении с его огромным интеллектом».^[17] Апологетика Льюиса была

^[10] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. Статьи. Выступления. Интервью. Минск: «Виноград»; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 315.

^[11] К. С. Льюис. Просто христианство. Бог под судом. М.: Гендальф. 1994. — С. 11.

^[12] Августин. Исповедь.

^[13] Так называется первая часть книги К. С. Льюиса «Просто христианство».

^[14] Льюис К.С. Собрание сочинений: В 8 т. Т.1. Любовь. Минск: Виноград; М.: Фонд им

А. Меня, 1998. — С. 262.

^[15] К.С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.7. Настигнут радостью. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 2006. — С. 436.

^[16] David George Clark. C. S. Lewis. A Guide to His Theology. Malden (USA).

«BLACKWELL PUBLISHING». 2007., p. 12.

^[17] James Townsend. C. S. Lewis“s Theology: Somewhere Between Ransom and Reepicheep, <<http://www.faihalone.org/journal/2000i/townsend2000e.htm>>, Январь 2010.

Хелена Джой Дэвидмен (1915–1960), американская писательница, жена Клайва Льюиса. Умерла от рака в возрасте 45 лет.

настолько колючей, потому что его изучение было весьма энциклопедическим. Уильям Эмпсон полагал, что Льюис «был очень начитанным человеком его поколения, тот, кто прочитал всё и помнил всё, что он читал».

Шок обращения побудил Льюиса делиться мыслями обо всем том, что перевернуло его внутреннюю жизнь.^[18] Одновременно преподавая в университете, он писал трактаты; к ним примыкают и эссе, и лекции, и проповеди, большая часть которых собрана в книги после его смерти. В этих книгах и эссе пророческие Льюис говорит о своем времени. Подобно тому, как в Ветхом Завете пророки были избраны Богом, чтобы призывать свой народ вернуться к Богу, так

^[18] Там же.

^[19] David George Clark. C. S. Lewis. A Guide to His Theology. Malden (USA). «BLACKWELL PUBLISHING». 2007., p. 23-24.

^[20] James Townsend. C. S. Lewis's Theology: Somewhere Between Ransom and Reepicheep,

Льюис указывал на различные формы идолопоклонства и лжи, которые заражают институты и ценности западной культуры, потому что истины Писания были забыты и заменены на более современные способы мышления.^[19] В этом отношении Льюис старался делать то, что призваны делать верующие: быть солью и светом для всего мира.

Льюис был, по общему мнению, самым популярным лектором Оксфорда много лет. К 1978 Macmillan «издал больше, чем четырнадцать миллионов копий книг Льюиса».^[20] Сам Клайв Льюис богословом себя не считал, но в своих научных работах он то и дело раскрывал своё богословие, которое формировалось на протяжении многих лет. И в его работах то и дело пересекались Божья любовь и Божье правосудие.

«Христианство, разбавленное водичкой»

◆ Позиция Льюиса относительно поверхностных и романтических образов Бога имела название «христианство, разбавленное водичкой». Он считал, что эта идея была примитивной, как и атеизм. Согласно этой идее, «на небе живет хороший, добрый Бог и все идет как надо. Всем трудным и пугающим доктринам о грехе и аде, о дьяволе и искуплении просто не придается значения».^[21]

Такой подход преподносит совсем другое евангелие. Это «другое евангелие», о котором говорится в Гал.1.8–9, можно распознать лишь на основе

<<http://www.faithalone.org/journal/2000i/townsend2000e.htm>>, Январь 2010.

^[21] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.1. Просто христианство. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 1998. – С. 51.

библейского учения. Любовь без верности библейскому учению ведет к фантазерству, что, в свою очередь и происходит. Библейское учение об освящении, послушании и суде Божьем играет уже лишь второстепенную роль. Человек сам выбирает для себя, исходя из своего восприятия и мировоззрения, каким необходимо быть Богу и, если Бог не сопоставим с таким положением вещей, человек подвергает Бога своей критике.

Об этом Льюис писал, используя образ судебной системы: «Некогда человек предстал перед своим Богом (или даже перед богами) как обвиняемый перед судьей. Современный человек поменял эти роли местами — теперь он судья, а Бог сидит на скамье подсудимых. Судья вполне снисходителен; если Бог сумеет разумно и доказательно защититься от обвинения в том, что, будучи Богом, Он допускает войны, бедность и болезни, человек готов Его выслушать. Быть может, суд даже закончится оправданием Бога. Не это важно. Важно, что человек стал судьей, а Бог — обвиняемым».^[22] И очевидно, что занимая такую позицию, человек неуклонно претендует на собственную объективность восприятия духовных вещей.

Критикуя такой подход, Льюис понимал, что объективная реальность отличается не только сложностью, но и нередко выглядит нескладно и неупорядоченно, как нам бы того хотелось. По его словам, объективная реальность таит в себе загадки, разгадать которые мы не в силах. И это одна из причин, благодаря которой Льюис

пришёл к христианству. «Христианству свойствен тот странный изгиб, который есть у реальных, объективно существующих вещей»^[23], — писал он, настаивая на том, что следует отрешиться от детской философии и от пристрастия к простым ответам.

Искажённое или неверное восприятие Бога находится в прямой зависимости от богословия, более того, они влияют друг на друга. Наблюдая эту тенденцию, Льюис видел, что проблема отчасти зависит от чтения новых книг в области богословия в противовес старым. В эссе «О старинных книгах» он писал: «Нигде не предпочитают новых книг старым так, как в богословии. Когда неофиты принимаются за христианское чтение, можно поручиться, что это не Лука и не Павел, не Августин и не Аквинат, а Бердяев, Маритен, Нибур или даже я».^[24]

Способность Льюиса смотреть на вещи со стороны и видеть свой мир с разных точек зрения, часто с помощью старых книг, помогала ему дистанцироваться от своего собственного времени. Благодаря этому он видел вещи в более широком контексте, он мог видеть лес вместо деревьев. Для наглядности здесь необходимо отметить то, что подчеркнул исследователь богословия К. С. Льюиса Дэвид Кларк. Он писал, что Льюис по этому поводу определяет два момента. «Апологету необходимо учитывать ортодоксальные убеждения исторического христианства, поскольку они обеспечивают перспективу необходимую для того, чтобы судить об обоснованности выражения новых доктрин и норм

^[22] C. S. Lewis. *God in the Dock: Essays on theology and ethics*. Grand Rapids, Michigan. 1978., p. 240-244.

^[23] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Просто христианство. Минск: Виноград;

рад; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 52.

^[24] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. Статьи. Выступления. Интервью. Минск: «Виноград»; М.: Фонд им. А. Меня, 1998. — С. 296.

Клайв Стрептон Льюис

поведения. Но более общим принципом является то, что старые книги помогают нам видеть мир глазами тех, кто увидел мир немного иначе, чем мы».^[25] Эти принципы предоставляют богослову возможность избежать опасности быть одержимым новыми тенденциями, которые, по сути, могут оказаться ошибками ортодоксального исторического христианства.

^[25] David George Clark. C. S. Lewis. A Guide to His Theology. Malden (USA). «BLACK WELL PUBLISHING». 2007., p. 6.

^[26] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 149.

^[27] Там же. — С. 155.

^[28] Страницы, № 2:1, СПб., 1997. — С. 122.

Фраза «христианство, разбавленное водичкой» не относится только лишь к одной позиции с упором на Божью любовь. Так Льюис называет легкомысленный и узкий взгляд на Бога и на христианство вообще, когда богословие сосредотачивается на чём-то одном, будь то добродетель или порок. Он признался, что такие «слепые пятна» бывали и раньше; у прежних веков тоже были свои излюбленные добродетели. И если уж надо почему-то развить одну добродетель ценой всех других, у доброты больше всего на это прав».^[26] В этом контексте Льюис подвергает критике богословов своего времени, которые, говоря, что Бог выше морали, опускали нравственную сторону христианства. Он возражал этому: «...истину очень легко использовать себе на пользу. Быть может, Бог и выше морали, но не ниже».^[27]

Здесь немаловажно отметить, что Льюис критиковал либеральных богословов своего времени, а именно их новозаветную экзегетику. Льюиса возмущали попытки демифологизировать Новый Завет. Ему казалось, что, переняв после 1945 г. бульмановские идеи, английское академическое богословие стало начисто выхолащивать Библию, смысл её расплылся, Благая Весть померкла, воображение потерпело крах.^[28] Льюиса больше занимали не идеи Бульмана как таковые, а их преломление в некоторых богословских работах и английской библеистике. Здесь Льюис хотел сказать, что анализируя источники библейских текстов, учёный просто уходит от должного обраше-

ния с ними, просто упражняется в методологически спорных гипотезах. А это, в свою очередь, влияет на понимание Бога.

Льюис был крайне убеждён, что неверно сужать до примитивного уровня представления о Боге. Он рассуждал: «Можно ли всерьёз рассматривать идею недоброго Бога, как бы с «черного хода», в духе крайнего кальвинизма? Разумно ли верить, что Бог жесток? Неужели Он может быть таким жестоким, чтобы расставлять капканы с приманками?».^[29] В таком образе Льюис усматривал некий образ Космического Садиста. «Если подумать, — говорил он — это уже чистая антропология, это ещё глупее, чем представлять Его в виде доброго царя с длинной бородой. Этот образ — типичная модель Юнга. Этот облик сближает Бога с добрыми мудрыми сказочными королями, добрыми волшебниками, фокусниками и героями народных сказаний».^[30] По словам Льюиса, подобные рассуждения и предположения о Боге уничтожают саму идею существования Бога. Само определение «добрый» становится бессмысленным. Он пишет: «Нет никакого основания Ему повиноваться, даже бояться Его не стоит. Да, Он угрожает, Он дает обещания. Но зачем им верить? Если жестокость Он считает милосердием, то и ложь — добро. Если это так, то какая разница? Если Его идея добра так отличается от того, что мы считаем добром, тогда Его рай — это по-нашему ад и наоборот».^[31]

^[29] К. С. Льюис. Боль утраты. Наблюдения.

^[30] Там же.

^[31] К. С. Льюис. Боль утраты. Наблюдения.

^[32] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Просто христианство. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 43.

^[33] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня;

Льюис был вполне убеждён, что Бог добр, но не в том смысле, что Он снисходителен, мягок, благожелателен абсолютно ко всему.^[32] Он писал:

«В наши дни под благодатью Божией мы понимаем прежде всего Его любовь к нам, и в этом мы отчасти правы. Но под любовью почти все мы понимаем доброту, незлобность, мягкость — желание, чтобы мы были счастливы любой ценой. Нам бы хотелось, чтобы мы делали что угодно, а Он говорил: «Да ладно, пускай поразвлекаются». Нам нужен, в сущности, не Отец, а небесный дедушка, добродушный старичок, который бы радовался, что «молодежь веселится», и создал мир лишь для того, чтобы нас побаловать. Конечно, многие не осмелятся воплотить это в богословские формулы, но чувствуют именно так. И я так чувствую, и я бы не прочь пожить в таком мире. Но совершенно ясно, что я в нем не живу, а Бог тем не менее — Любовь; значит, мое представление о любви не совсем верно».^[33]

Итак, поверхностный взгляд на Божью природу представляет собой искажённое, неверное восприятие Бога. Согласно этим утверждениям, можно ещё раз подчеркнуть, что Льюис критиковал легкомысленные мнения о Боге и крайние позиции относительно понимания Его природы. Его взгляды были гораздо глубже, его понимание Божьей природы было обширным. Какова же природа Божьей любви?

СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 141.

^[34] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 184.

^[35] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Расторжение брака. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 238.

Божья любовь «изнутри»

*Любовь Господня может терпеть,
она может прощать... но она не
примирится с недостойным любви...*

*Господь не примирится с твоим
грехом, ибо грех не меняется к лучшему;
но примирится с тобой, ибо ты исправим.*

Томас Трасн.

Сотницы созерцаний, II, 30

◆ Любовь Божья у К. Льюиса открывается подобно раскрывающемуся цветку. Рассуждения о ней не просто предлагают богословские сведения, но показывают, насколько это велико и непостижимо, приводя читателя в трепетный восторг. Здесь немаловажно отметить, что в отличие от других исследователей Писания, Льюис говорит об этом Божьем атрибуте, учитывая определённые тонкости. Речь идёт о том, что для него Божья любовь представляется неразрывно и в тесной взаимосвязи с другими Божьими атрибутами.

Особенность Божьей любви у Льюиса состоит том, что она учитывает свободу своего объекта. Хотя в Св. Писании написано «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин.3.16) и «долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2Пет.3.9), всё же Он никому не навязывает Свою любовь силой.

Со свойственной ему логикой Льюис опровергает основания универсалистов. Идея, которую приняли универсалисты, основана на том, что Бог, будучи Богом любви, никогда не допустит, чтобы кто-то из Его созданий пришёл к гибели. Однако Льюис

приводит доводы, которые свидетельствуют об обратном. Льюис уверен, что насильственная любовь — это внутренне противоречивое понятие. Эта тема раскрывается в трактате «Страдание».

По его словам, никто не может насильно принять любовь и благодать Божью. Точно также человек по собственной своей воле, если захочет, может от них отказаться. «Радость человека — в том, чтобы предаться Богу, но никто не может сделать это вместо него (хотя многие могут помочь ему), а сам он вполне способен этого не захотеть. Я заплатил бы любую цену за право сказать: “Все спасутся”, но разум спрашивает меня: “По своей воле или насильно?” Я отвечаю: “Насильно”, — и впадаю в противоречие: может ли высший акт воли — предание себя Богу — совершаться так? Я отвечаю: “По своей”, — и разум возражает: “А если кто-нибудь не захочет?”».^[34]

Это отчётливо выражено в Евангелии, когда Иисус в своё время сказал: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф.23.37). Человек свободен, чтобы сказать Богу “да” или “нет”. «В конечном счёте, — отмечает Льюис — есть только два типа людей — те, кто говорит Богу: “да будет воля Твоя”, и те, кому Бог в конце концов скажет: “да будет воля твоя”».^[35]

Идея свободы воли является общей предпосылкой в богословии древней церкви, как восточной, так и западной. Без этой свободы невозможно приписывать человеку ответственность за свои поступки, а значит, и

^[36] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Письма Баламута. М.: Фонд им А. Менья; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 39.

вину за свои преступления. И Льюис показывает, как этот вопрос связывает две сферы: теологическую и антропологическую. В статье «Беда с этим Н» он значительно расширяет эту мысль: «Господь наш поставил Себе правилом не менять человека насильно. «Он не может захватывать. Он может только призывать».^[36] Он может его изменить, и изменит, но только тогда, когда человек Ему поддастся. В этом смысле Он ограничил Свою власть. Порой мы этому удивляемся и даже об этом жалеем. Но Богу виднее. Он предпочел мир свободных существ, во всеми его опасностями, миру праведных роботов. И чем ярче мы себе представим этот, второй мир, тем лучше мы поймем Божью мудрость».^[37]

Однако, в то время, как он полагал, что некоторые христиане могли потерять своё спасение, Льюис был инклюзивистом, верящим, что некоторые нравственные нехристиане будут спасены: «Хотя всё спасение через Иисуса, мы не должны утверждать, что Он не может спасти тех, кто явно не принял Его в этой жизни».^[38] Это достаточно верная и библейски обоснованная позиция и это вовсе не означает, что Льюис поддерживал взгляды универсалистов или аннигилистов.

По отношению к творению Божья любовь представляет собой не только доброту. «Если Бог — Любовь, — писал Льюис — Он по самому определению не только доброта. Он всегда наказыв-

вал нас, но никогда не презирал». Он верил, что Бог не просто желает счастья Своему творению, но по-настоящему любит его. И, испытывая на себе силу этой любви, Льюис писал: «Любовь, которая отворяет двери даже тому, кого пришлось тащить силой».^[39] Божья любовь не есть добро, но она добра. Так описывал её Льюис от лица Баламута: «Он действительно любит этих безволосых двуногих, которых Он создал, и правая рука Его всегда возвращает им то, что отнимает левая».^[40]

Льюис отмечает ещё одно свойство Божьей любви — бескорыстие. «Любовь Его совершенно лишена своекорыстия, — пишет он, — Он Сам даёт нам всё, а получить Ему от нас нечего».^[41] В этом отношении он выдвигает следующую мысль: человек всегда нуждается в Боге, но не Бог в человеке. И если мы станем думать, что Он — для нас, а не мы — для Него, то совершим серьёзную ошибку. Бог Самодостаточен и Его любовь просто не может быть эгоистической. «У Него нет естественных стремлений, нет страстей, а если и есть нечто, подобное страстям, то — по Его воле и ради Него», — пишет Льюис.^[42] Божья любовь-дар совершенно бескорыстна, а потому она ничего не навязывает.^[43]

Чтобы объяснить развёрнуто природу бескорыстной Божественной любви, распространяющуюся на человека, Льюис в своём трактате «Four loves»^[44]

^[37] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.2. Статьи. Выступления. Интервью. Минск: «Виноград»; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 335.

^[38] C. S. Lewis. *God in the Dock: Essays on theology and ethics*. Grand Rapids, Michigan. 1978., p. 102.

^[39] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.7. Настигнут радостью. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 2006. — С. 429.

^[40] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. Письма Баламута. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000.— С. 57.

^[41] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 146.

^[42] Там же. — С. 147.

^[43] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.1. Любовь. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 271.

рассматривает четыре типа любви: привязанность, дружба, влюблённость и милосердие. Вайленберг пишет, что «хотя ни один из этих четырех типов, не может идеально соответствовать любви Бога к человечеству, всё же эти несовершенные приближения имеют некоторые особенности, которые могут пролить свет на природу любви Бога к человечеству».^[45] Пожалуй, следует согласиться с этим утверждением. Однако одним общим элементом для всех четырех типов является то, что любящий в каждом конкретном случае хочет, чтобы объект его любви поступал определенным образом. В частности, любящий хочет, чтобы его любимый был совершенным: «Любовь... Требуется совершенствования любимого».^[46] Здесь нужно упомянуть, что, по мнению Льюиса эти четыре типа любви должны преобразиться и стать совершенными. И только те её типы, в которые вошло милосердие, поднимутся к Богу.^[47]

Вот как Льюис ярко пишет об этом:

«Бог есть Любовь. «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас» (1 Ин. 4:10). Начнём не с нашей любви к Богу, а с Его любви к нам. Любовь эта — дар. Богу ничего не нужно, Он даёт от полноты. Учение о том, что Бог «не был обязан» творить мир, не сухая схоластика; оно очень важно. Иначе нам придётся мыслить Бога вроде какого-нибудь заведующего, директора, управителя. Надо по-

мнить, что там, у Себя, «в стране Троицы», Господь владеет несравненно большим Царством. Надо видеть то, что видела Иулиания Норическая: беседуя с ней, Господь держал в руке что-то маленькое, с орех, и это было «всё тварное». Богу ничего не нужно; Он породил ненужные существа, чтобы любить их и совершенствоваться. Он творит мир, предчувствуя (или чувствуя? — для Него нет времени), как роятся мухи у креста, как больно касаться дерева израненной спиной, как перехватывает дыхание, когда обвиснет тело, как нестерпимо болят руки, когда приходится вздохнуть. Простите мне такой образ, Господь — «хозяин», породивший своих паразитов. Вот она, Любовь. Вот Он, Бог, Творец всякой любви».^[48]

Любовь Божья у Льюиса атрибут не догматический-трансцендентный, а реальный-имманентный. Это не что иное, как Божье влияние, реагирующее на человеческие поступки. В этом смысле он подчёркивает, что «Бог нелицеприятен — Он любит нас не за ум, не за таланты, не за знатность».^[49] Для Божьей любви мы все равны. Однако любит Он нас по-разному.

Здесь наблюдается кажущийся парадокс, но на самом деле его нет. По словам Льюиса, «Бог создал нас разными, чтобы любить по-разному — не “меньше” и “больше” (Он всех любит беспредельно), а именно по-разному, как мать любит детей».^[50] Хотя, в то же самое время, несмотря на то, что

^[44] В русском переводе «Любовь».

^[45] Erik. J. Wielenberg. *God and the Reach of Reason*. New-York, USA: Cambridge University Press. p. 26.

^[46] К. С. Льюис. *Собрание сочинений: В 8 т. Т.1. Любовь*. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 270-276.

^[47] Там же. — С. 276.

^[48] К. С. Льюис. *Собрание сочинений: В 8 т. Т.1. Любовь*. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 271.

^[49] Там же. — С. 303.

^[50] К. С. Льюис. *Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. Страдание*. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 203.

Писатель Клайв Стрептон Льюис за работой.

для Бога все равны, это свойство Его любви не отрицает наличия иерархии у Своего творения. В более глубоком смысле для самих людей никак нельзя считать, что все равны.

Льюис поясняет эту мысль в статье «Коллектив и мистическое тело», говоря о человеческих различиях и функциях в различных контекстах. Относительно естественного порядка, нелепо утверждать, что мы все одинаково красивы, добры, способны, умны. Однако это совсем не относится к тому, почему Спаситель умер за нас. «Бог возлюбил нас не за то, что мы достойны любви, а потому, что сам Он — Любовь. Быть может, Он любит

всех равно, но равенство это — в Нём, а не в нас».^[51] К тому же подлинное единство и любовь у Льюиса возможны лишь между разными: в этом смысле он показывает недействительность пантеизма и объясняет, что Бог создал людей такими, чтобы они могли научиться любви к Нему у Него Самого. «Он (Бог) хочет, чтобы мы отличались друг от друга с предельной чёткостью и могли соединиться с Ним в лучшем, высшем смысле».^[52]

В этом контексте Льюис приводит пример онтологических взаимоотношений Божественной Троицы. «И в Самой Троице Слово — не только Бог, Оно и вместе с Богом. Отец предвечно рождает Сына, Дух предвечно исходит от Них. Бог ввёл различие внутрь Себя, чтобы в единении любви превзойти единство самоидентичности».^[53] Учение о Троице показывает, что некое подобие «общества» из-

^[51] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Письма к Малкольму. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 304.

^[52] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Странствие. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 204.

вечно и в Боге; мы знаем, что Бог есть Любовь и то, что «в Нем взаимная любовь существует прежде всех миров и потом уже сообщается Его творениям».^[54] И далее, говоря о том, что любовь Бога сосредоточена и на Него Самого, он со всем смирением соглашается с тем, что записано в *Theologia Germanica*: «Бог любит Себя не как Себя, а как Благо, и если бы было на свете большее благо, Он возлюбил бы его, а не Себя».^[55]

Умозаключения Льюиса, возможно, коренятся в трудах его «наставника» Честертона, разъяснявшего суть христианства и тайну Божественной Троицы. Он писал:

«Если безначальный Бог существует прежде всех, кого же любил Он, когда некого было любить? Если в немыслимой вечности Он был один, что значат слова о том, что Он — Любовь? Эту тайну можно объяснить только мистически: по видимому, в Его природе есть что-то подобное самовыражению; Он что-то порождает и созерцал порожденное Им. Без этого поистине неразумно усложнять последнюю суть Божества такой идеей, как любовь».^[56]

Однако, не исключено, что Льюис также опирается на знаменитое изречение Августина, ставшее основополагающим для западного богословия Св. Духа. Он учил о Св. Духе, как о «взаимной любви, которой любят друг друга Отец и Сын».^[57] В XIII — XIV веках это определение вошло и в инструментарий греческих богословов.

^[53] Там же.

^[54] Там же. — С. 135.

^[55] *Theologia Germanica*, XXXII (трактат неизвестного автора).

^[56] Гилберт К. Честертон. Вечный человек. Чикаго. 1990. — С. 218.

Любовь Отца и Сына по Льюису означает любовь-власть и любовь-послушание. Отец делает сына таким, каким должен быть человек с его, отцовской, т.е. мудрейшей точки зрения.^[58] Между лицами Троицы Божья любовь представляет собой совершенную гармонию, невообразимое единство.

Но наряду с тем, что Бог есть любовь, Бог творит суды. Он справедлив и Его любовь также состоит в полной гармонии с Его справедливостью и правосудием.

Божье правосудие

*Мне ведомо, что близок день суда,
И на суде нас уличат во многом...
Но Божий суд не есть ли встреча с Богом?
Где будет суд? — Я поспешу туда!
Я пред Тобой, о, Господи, склонюсь,
И, отрешась от жизни быстротечной,
Не к Вечности ль Твоей я приобщусь,
Хоть эта Вечность будет мукой вечной?*
Грегор Нарекаци^[59]

◆ Зло подрывает самое основание мироздания — уверенность в благости Создателя. Именно поэтому так важно свидетельство пророков — настанет день Божьего суда, день торжества правды. В Писании этот день описывается как день радости для всего мироздания: «Да веселятся небеса и да торжествует земля; да шумит море и что наполняет его; да радуется поле и все, что на нем, и да ликуют все деревья дубравные пред лицом Господа; ибо идет, ибо идет судить землю. Он будет судить вселенную по правде, и народы — по истине Своей» (Пс.95.11-13).

Рассматривая Божий суд, Льюис столкнулся с разными отношениями к

^[57] Августин. О Св. Троице, XV, 17.

^[58] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 143.

^[59] Армянский поэт XII века (у армян он считается святым), автор сборника «Книга скорбных песнопений».

нему верующих Ветхого Завета и христиан. Он понял это следующим образом: «мы, христиане, видим на скамье подсудимых себя самих, иудеи же видели там своих обидчиков, а себя считали истцами. Мы надеемся на оправдание, то есть хотим, чтобы суд был помилостивее; им нужно, чтобы суд судил строго».^[60] Господь Судья — это Защитник всех тех, кто страдает от неправды. Так понимали это иудеи.

мостоятельная личность, а как пациент, объект лечения».^[61]

Льюис утверждает, что «лечение» против воли ставит человека в категорию тех, кто не может решать сам за себя и никогда не сможет. А наказание, даже суровое, но назначенное человеку, как рационально мыслящему существу, расценивает его как носителя образа Божьего. Так как у человека есть умственные, нравственные и волевые

Бог в Своём святом правосудии никого не посылает в ад. Он желает, чтобы никто не погиб (2Пет.3.9). Бог сотворил человека, чтобы тот жил в общении с Ним. Муки ада человек выбирает сам. По словам Льюиса, своим грехом человек всю жизнь говорит Богу: «Уходи и оставь меня в покое». Тем самым Бог предоставляет человека самому себе, как тот сам того захотел. «Свобода от Бога - это и есть ад».

Однако христианское представление о Божьем правосудии гораздо глубже. Иудеи сравнивали себя с законом, христиане же — с Самим Богом.

В сборнике статей «Бог на скамье подсудимых» (God in the Dock) Льюис критикует реформаторские взгляды секулярных гуманистов на правосудие. Он утверждает, что подвергать человека принудительному нравственному лечению — это тирания. Позиция реформаторов представляет собой «иллюзорный гуманизм», который камуфлирует свою жестокость с помощью той ложной посылки, будто бы преступление — это вопрос патологии, а не морали. Таким образом, «у реформаторов человек дегуманизируется. Он представляется не как са-

способности, поэтому человека надлежит наказывать за злые дела. Человек знает должное и заслуживает кары за беззаконие».^[62] По этой причине любой грех неизбежно будет осужден.

Но разве Бог не может просто взять и отменить возмездие за грех? Ответ, который Писание дает на это возражение — «нет, не может». Есть вещи, которых Бог не может. Для Него нет физической невозможности — Он может создавать миры, творить чудеса и вообще делать все, что пожелает. Но для Бога существует нравственная невозможность — Бог, например, не может поступить неправосудно (Быт. 18:25), не может солгать (Евр.6:18), не может отречься от Самого Себя

^[60] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Размышление о псалмах. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 271.

^[61] Норман Гайслер. Энциклопедия Апо-

логетики. СПб.: «Библия для всех». 2004. — С. 537.

^[62] C. S. Lewis. God in the Dock: Essays on theology and ethics. Grand Rapids, Michigan. 1978., p. 292.

(2 Тим.2:13). Когда мы говорим, что такой-то человек не может, например, украсть, мы не имеем в виду, что его возможности в этом отношении ограничены, — мы имеем в виду, что он никогда так не поступит. Бог не может ни принять, ни оправдать, ни проигнорировать грех — не в силу ограниченности Своих возможностей, но в силу Своей нравственной святости. Но тогда мы ставим под сомнение другой Божий атрибут — всемогущество.

Пытаясь разрешить этот вопрос, Льюис говорит, что Божье всемогущество не подвластно внутренним противоречиям. «Бог творит чудеса, но не чепуху».^[63] Здесь, пожалуй, вместо того чтобы сказать, что Бог чего-то не может, нам следовало бы воспользоваться таким словом, как «невозможно». У Льюиса это носит название «абсолютная невозможность» и несёт значение внутреннего противоречия. «Абсолютно невозможное мы вправе называть внутренне невозможным, так как оно несёт свою невозможность в себе, а не заимствует её из других, относительных невозможностей».^[64] Поэтому мы говорим, что Бог не может проигнорировать грех, солгать или отречься Самого Себя.

Капризы непредсказуемого тирана могут избавить от наказания преступника и обречь на смерть невиновного; с Божьим судом это не так. Он нелицеприятно воздаст каждому «по делам его». Бог не обвинит правого; и нам придется согласиться с тем, что он не оправдает нечестивого. Он никогда не нарушит Свое слово, никогда не

обойдет установленный Им закон. Если Он что-то обещал — мы можем ни секунды не сомневаться, что Он это исполнит. Нечего и думать, что Он отменит Свое слово. Если Бог обещал возмездие за грех, нам не стоит сомневаться в неизбежности этого возмездия. Если бы всё, что мы знаем о Боге, сводилось к Его верности и справедливости, это было бы достаточно, чтобы вызвать благоговейное поклонение, но это лишило бы нас всякой надежды. Бог свят, а мы — грешники. Мы не таковы, какими должны быть, и поступаем не так, как должны поступать. Наше осуждение неизбежно.

Следует также указать, что Бог в Своём святом правосудии никого не посылает в ад. Он желает, чтобы никто не погиб (2Пет.3.9). Бог сотворил человека, чтобы тот жил в общении с Ним, и снабдил его средствами, с помощью которых человек может иметь такое общение. В этом отношении также учитывается свобода выбора человека.

Муки ада человек выбирает сам. Туда его посылает собственный грех, а отказ от тех благ, которые даются смертью Христа, мешает ему спастись. По словам Льюиса, своим грехом человек всю жизнь говорит Богу: «Уходи и оставь меня в покое». Ад — это ответ Бога человеку: «Можешь получить исполнение своего желания». Тем самым Бог предоставляет человека самому себе, как тот сам того захотел.^[65] Здесь будет уместным привести слова Питера Крифта: «Свобода от Бога — это и есть ад».^[66]

^[63] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 133-134.

^[64] Там же. — С. 134.

^[65] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8

т. Т. 8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 184-190.

^[66] Питер Крифт. Небеса, по которым мы так тоскуем. М.: «Библейско-богословский институт св. апостола Андрея». 2002. — С. 224.

Вопросы теодицеи

◆ Проблема зла и страданий в самой простой форме определяется Льюисом следующим силлогизмом: «Если Господь благ, Он хочет счастья Своим созданиям, а если Он всемогущ, Он может все, что хочет. Однако создания Его несчастливы. Значит, Бог недостаточно благ или недостаточно могуществен».^[67] Наличие зла Льюис объясняет через феномен свободной воли человека: именно свобода воли сделала возможным зло. Такая постановка вопроса с неизбежностью выдвигает и вопрос о том, «почему же тогда Бог дал созданиям своим свободу воли?».^[68]

По Льюису, это не просто акт доверия и любви со стороны Бога, — наличие свободы есть единственная онтологическая возможность добра как такового: «Счастье, которое Бог приготовил для своих созданий, — это счастье свободно соединиться с Ним и друг с другом в порыве любви и восхищения... Но для этого создания должны быть свободными», и в этой связи без свободной воли, хотя она и обуславливает появление зла, невозможны истинная любовь, доброта, радость — все то, что представляет ценность в мире.^[69] Таким образом, несмотря на то, что Бог в Своём всеведении знал, что человек согрешит и отпадёт, наличие у человека свободы воли свидетельствует, по Льюису, что Бог «считал, что задуманное им стоит риска».^[70]

Избрание зла в акте свободного морального выбора есть, по Льюису, не что иное, как страдание: «страдание — единственное на свете чистое, неосложненное зло».^[71] В этом отношении «врата ада заперты изнутри»^[72], т.е. желание избавления от страданий отнюдь не означает для избравшего зло желания делать конкретные шаги по направлению к добру (как желание быть счастливым, по сравнению Льюиса, не означает для завистника сознательного избавления от зависти и обретения счастья).

Избрание свободы как таковой феноменологически парадоксально, но глубоко закономерно оборачивается в этом отношении тотальной несвободой, в то время как самоотречение, напротив, — подлинным обретением себя: избравшие зло «обрели свою страшную свободу и стали рабами... тогда как спасенные, отрешившись от себя, становятся все свободнее».^[73] В контексте этого положения рассматриваются все обстоятельства жизни верующего, в которых именно Бог, посредством Своего влияния осуществляет освобождение верующего от вещей, лишаящих его подлинной свободы.

Питер Крифт, опираясь на Льюиса говорит о том, что Сам Бог не может повлиять на свободный выбор, это уже будет нелепость, ведь слова «повлиять» и свободный» — это несовместимые понятия. «Однако Он может прельстить нас великим даром несчастья; тем, что нас не удовлетворит

^[67] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000., С. 133.

^[68] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.1. Просто христианство. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 1998., С. 58.

^[69] Там же.

^[70] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8

т. Т.8. Письма Баламута. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000., С. 21.

^[71] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000., С. 182.

^[72] Там же, С. 190.

^[73] Там же.

ничто иное, кроме неба».^[74] По Льюису, «Бог не дает нам спокойствия и счастья, к которым мы так стремимся, но он очень щедр на радость, смех и отдых. Мы не знаем покоя, но знаем и веселье, и даже восторг». И всё это потому, что «уверенность благополучия обратит наше сердце к временному».^[75] И в этом смысле сознательное и свободное избрание добра неизменно приводит человека к победе над страданием: «Если вы не помешаете Богу, все в вас, кроме греха, достигнет радости».^[76]

Августин, по словам Н. Трауберг — один из самых чтимых им богословов^[77], в своём произведении «О граде Божьем» высказывает мнение о том, что жить для себя, а не для Бога, «не значит обратиться уже в ничто, но — приближаться к ничтожеству».^[78] Продолжая мысль Августина, К. Льюис в произведении «Расторжение брака» развивает идею о том, что добродетель подразумевает изобилие бытия, а зло — утрату бытия. Он описывает рай и его обитателей по-настоящему материальными и большими, в то время как ад с его обитателями невероятно крохотен, поскольку «погибшая душа бесконечно мала, её почти нет, она совсем усохла, замкнулась в себе».^[79] В полном соответствии с этим, одна несчастная погибающая женщина, привыкшая ворчать, непрестанно истончается. В конце концов, она превращается из сварливой женщины в саму сварливость, которая «идёт сама собой, как заведённая».^[80]

^[74] Питер Крифт. Небеса, по которым мы так тоскуем. М.: «Библейско-богословский институт св. апостола Андрея». 2002. — С. 61.

^[75] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 182.

^[76] Там же.

^[77] К. С. Льюис. Просто христианство. Бог

Здесь нужно выделить то, что Льюис незаметно касается весьма актуального вопроса, который становится камнем преткновения в области апологетики: «Если Бог благ, откуда зло?». Свободная воля человека сделала наличие зла возможным, но откуда взялось зло, как онтологическая сила? Похоже, что Льюис даёт ответ на эти вопросы. Одновременно опровергая идею дуализма, он развивает мысль: «Если дуализм верен, сила зла любит зло как таковое. Но мы не знаем никого, кто любил бы зло просто за то, что оно зло».^[81] То есть зло начинается тогда, когда при достижении добра используется неправильный метод, нечестный путь.

Далее он говорит:

«...зло, если вы пристальнее всмотритесь в него, почти всегда окажется дурным путем к добрым целям. Вы можете быть хорошим ради самого добра; но не можете быть злым ради самого зла. Вы способны совершить хороший поступок и тогда, когда не испытываете прилива доброты, когда этот поступок не доставляет вам удовольствия, просто по той причине, что делать добро — правильно... Иными словами, зло не может преуспевать от того, что оно зло, тогда как добро может преуспевать лишь в силу того, что оно добро. Добро, так сказать, вещь в себе, оно существует само по себе, тогда как зло представляет собой испорченное добро. Прежде чем стать плохим, надо быть хорошим».^[82]

под судом. М.: Гендальф. 1994. — С. 11.

^[78] Августин. О граде Божьем, XIV, 13.

^[79] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Расторжение брака. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 262.

^[80] Там же. — С. 240.

^[81] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Просто христианство. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 54.

Льюис признаётся, что в этом отношении христианство (в отличие от христианства, разбавленного водичкой) гораздо ближе к дуализму, чем думают.

«Когда я впервые всерьез прочитал Новый завет, меня особенно поразила одна вещь — а именно то, что там так много говорится о силе тьмы во Вселенной, о могучем злом

мой. Она — часть мира, в котором царит сила добра, и сотворена либо этой силой, либо какой-то другой, стоящей над ними обеими.

Попробуем несколько упростить это рассуждение. «Чтобы совратиться, — пишет Льюис — сила зла должна была существовать и обладать разумом и волей. Но существование, разум и воля сами по себе — добро. Таким об-

Возлюбя этот мир, Бог отдал Своего Сына в жертву за грех на Голгофский крест, но также Голгофский крест был необходим для того, чтобы оправдать Божье правосудие. Весь Божий замысел направлен на то, чтобы человек познал Бога в полноте, увидев в действии не только Божью любовь, но и святость и правосудие.

духе, который стоит за смертью, болезнью и грехом. Однако, по мнению христианства (в отличие от дуализма) эта сила тьмы создана Богом и вначале была доброй, лишь потом стала она на неверный путь».^[83]

Согласно его словам, что-то искажённое мы воспринимаем искажённым только потому, что уже знаем истинное, исходя из правильных представлений. Однако представить истинное, зная только искажённое не получится. Отсюда вытекает невозможность дуализма, в котором сила зла, которое любит зло равна силе добра, которая любит добро.^[84] А если так, то сила зла не может быть ни от чего не зависи-

разом, сила зла должна была получить все это от силы добра; даже для того, чтобы стать плохой, силе зла пришлось бы позаимствовать или украсть все необходимое у своего оппонента».^[85] Это глубокая истина, свидетельствующая о том, что зло — паразит, а не что-то изначальное и самостоятельное. Поэтому силы для своего существования зло черпает из добра. «Все, что толкает плохого человека на активное зло, само по себе — не зло, а добро: решимость, ум, красота и, собственно, существование».^[86] Согласно этому рассуждению нужно заключить, что зло не является творением, как таковым. Бог не творил зло, как что-то сотворённое. Бог творит всё благое и совершенное. Зло — это не акт творения, но онтологическое разрушение бытия. Зло — не творение, а разрушение. В этом вопросе Льюис был согласен с убеждениями Августина.

Страдание людей нельзя сопоставить с существованием Бога, Который есть Любовь до тех пор, пока мы понимаем

^[82] К.С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.1. Просто христианство. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 54.

^[83] Там же.

^[84] Там же. — С. 55.

^[85] Там же.

^[86] К.С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Просто христианство. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 1998. — С. 55.

любовь в обычном для нас значении и пока мы ставим человека во главу угла.^[87] По словам Вайленберга Льюис утверждает, что после того, как мы правильно поймём всемогущество Божие и благодать, и подлинную природу человеческого счастья, то мы увидим, что это вовсе не удивляет, и не исключено, что Бог позволил бы (и даже причинял бы) человеческие страдания.^[88]

Тот единственный путь, который, по Льюису может привести к преодолению зла, есть любовь в ее полном, действенном, максимально далёком от абстрактного, понимании. В трактате «Страдание» Льюис формулирует свое глубинное credo: «в Господе каждая душа узнает свою первую любовь, потому что Он и есть ее первая любовь»^[89], — и если и привязанность, и дружба, и влюбленность^[90], демонстрируя лучшие стороны человеческой природы, тем не менее, оставляют простор и для порока (раздражительность, ревность, глухота к «внешнему», выходящему за пределы очерченного любовью круга), то любовь в подлинном её понимании (т.е. будучи сопряженной с верой, позволяющей ей избегать означенных подводных камней), пронизывая бытие повседневности, выступает гарантом преодоления страдания и обретения счастья.

^[87] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 145.

^[88] Erik. J. Wielenberg. God and the Reach of Reason. New-York, USA: Cambridge University Press. p. 16.

^[89] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 202.

^[90] Термины-характеристики любви из трактата К. Льюиса «Любовь» (с англ. Four Loves).

^[91] См. «Лев, колдунья и платяной шкаф».

^[92] Роберт Морно. Беседы с Клайвом Лью-

Сбалансированная позиция

◆ Относительно Божьей любви и Божьего правосудия у К. Льюиса была позиция, которая определённо пытается выдержать баланс между ними и достаточно веско упраздняет богословские трудности. Вопреки романтическим представлениям о Боге, Льюис воспринимает Бога, как Со-страдающего и Требовательного. Бог для него был непреклонно строг и одновременно милостив. Эту мысль приводил Льюис, описывая Аслана в книге «Лев, Колдунья и платяной шкаф»: Бог добр, но он не безопасен. Бог «добр и грозен одновременно».^[91] Речь идёт о Боге, как о Спасителе и Судье в одном лице. С одной стороны, Он — исцеляющий, спасающий Господь, с другой, Он — Тот, перед Кем мы отвечаем, несём ответственность за слова и действия, которые формируют нашу историю и затрагивают жизнь других людей.^[92]

Но как эти два диаметрально противоположных Божьих образа рационально соединить воедино? Чтобы показать целостность и непротиворечивость Божьей природы, Льюис приходит к следующим выводам: «Его любовь и Его знание неразделимы и неотделимы от Него самого. Мы всегда можем сказать: Он видит, потому что любит, и любит, потому что видит».^[93]

Льюис связывает правильное понимание Божьей природы с правильным осознанием человеком самого себя. Восприятие Божьего правосудия, одновременно с Божьей любовью у него зависит от самого человека. В связи с этим он был убеждён, что христианству необходимо пробудить былое чувство греха. То, что люди сами по себе порочны и грешны, Христос

принимает как данность и, если мы не почувствуем, что так оно и есть, мы не поймём Его слов. Дело в том, что «когда мы просто *говорим*, что мы плохи, «гнев Божий» кажется нам варварским предрассудком: но когда мы *видим* нашу скверну, он логически и неизбежно вытекает из благодати Божьей».^[94] И в этом отношении, слова Льюиса из «Кружного пути» оказываются непротиворечивыми: «Его любовь и Его гнев — одно и то же».^[95]

По сути, в Божьих отношениях с человеком Божья любовь и Божье правосудие идут вместе. Они не могут одно без другого. Это, как две грани одного и того же алмаза. Божий суд требует наказания за грех. Божья же любовь направлена на восстановление общения человека с Ним. Предоставление Иисуса Христа в качестве Искупления за грех означает сохранение, как суда, так и любви Бога. Вот как Льюис это показывает:

«Когда христианство говорит, что Бог любит человека, оно имеет в виду, что Бог человека любит, а не равнодушно желает ему счастья. Мы хотели, чтобы Бог нас любил, — вот Он и любит нас. Такой Господь у нас и есть — не благодушный старичок, разрешающий нам поразвлекаться, и не холодный честолобец, вроде совестливого судьи, не радушный хозяин, но огонь попа-

ляющий, чья любовь упорна, как любовь к творению, жалостлива, как любовь к собаке, мудра и достойна, как любовь к сыну, ревнива, сильна и требовательна как любовь к женщине. Я не знаю, почему это так; ум не в силах понять и объяснить, почему создания (тем более такие, как мы) столь ценны в очах Божьих».^[96]

Иногда трудно совместить любовь Бога с Его правосудием; но для библейских священнописателей любовь Божия должна явиться именно в Его суде по отношению к злым. На почве того, что Ветхий Завет полон насилия и просьб о скором суде над нечестивыми, а Новый Завет много говорит о любви, существует определённый взгляд на Бога. Филип Янси приводит мнение японского писателя Сузаку Эндо, что Христос принёс в мир материнскую любовь, которая уравнивала отцовскую любовь Ветхого Завета.^[97] Безусловно, о милосердии говорится и в Ветхом Завете, однако эти слова как-то теряются на фоне напоминаний о законе и суде.^[98]

Однако последовательность Божьего отношения к человеку начинается с Его любви. Сначала Бог возлюбил, а затем определил суд. Справедливо ли производить суд над тем, кому не была предложена любовь? Это было бы не логично. В этом отношении

исом: Настигнут радостью. М.: «Библейско-богословский институт св. апостола Андрея». 2003. — С. 14.

^[93] К. С. Льюис. Боль утраты. Наблюдения.

^[94] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 150-151.

^[95] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. Кружной путь или блуждания паломника. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 2006. — С. 126.

^[96] К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8

т. Т. 8. Страдание. М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. — С. 144.

^[97] Психолог Фромм говорит, что в полноценной семье ребёнок получает два вида любви. Материнская любовь не ставит условий; ребёнок принимает таким, какой он есть, независимо от того, что он делает. Отцовская любовь строже, это награда за хорошее поведение. В идеале, по словам Фромма, ребёнок должен получать оба вида любви (См. Э. Фромм. Искусство любить).

^[98] Филип Янси. Иисус, которого я не знал. М.: Триада. 2009. — С. 174-175.

понятно, почему те, кто не принимает любовь, сами навлекают на себя суд. «Суд же состоит в том, что свет пришёл в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин. 3.19).

В действительности между Божьей Любовью и Божиим правосудием никогда нет противоречия. Противоречие возникает лишь при таком понимании любви, которое требует от Бога прощения греха без наказания за него. Но Бог в таком случае выглядел бы совершенно иным по сравнению с тем, какой Он есть на самом деле. Более того, высочайшая любовь Бога выразилась в том, что Он не просто снисходительно освободил людей от последствий греха, а предоставил Христа в Искупление за него. Льюис писал: «Суровость Его добрее, чем наша мягкость, и принуждая нас, Он даёт нам свободу».^[99]

Бог от вечности есть любовь, и Его извечная святая праведность состоит в неразрывном единстве с Его любовью. По сути, в Божьих отношениях с человеком Божья любовь и Божье правосудие идут вместе рука об руку. Они не могут одно без другого. Это, как две грани одного и того же алмаза. Божий суд требует наказания за грех. Божья же любовь направлена на восстановление общения человека с Ним. Предоставление Иисуса Христа в качестве Искупления за грех означает сохранение, как суда, так и любви Бога. На кресте эти два качества соединились. Возлюбя этот мир, Бог

отдал Своего Сына в жертву за грех на Голгофский крест, но также Голгофский крест был необходим для того, чтобы оправдать Божье правосудие. Весь Божий замысел направлен на то, чтобы человек познал Бога в полноте, увидев в действии не только Божью любовь, но и святость и правосудие. Это было бы невозможно, если бы не возникло греха. Бог мог бы спасти нас Своим Словом, но Он захотел сделать так, чтобы мы познали Его. Он хотел, пронзив наши сердца, показать, как сильно Он нас любит. И лучший способ это сделать – стать человеком ради нашего искупления и соединить нас с Собой в Своей смерти и воскресении.

Именно Божья любовь стала тем главным фактором, благодаря которому воплотился чудесный замысел сотворения, искупления, воскресения и прославления человека, чтобы очистить человека от греха и ввести его в вечные отношения с Троицей. Однако наступит момент вечности, когда все зло будет удалено и «Бог будет все во всем».

Божья любовь настолько велика, что для того, чтобы исполнить закон Он осудил Своего безгрешного Сына за грешных людей. Суд и любовь – не два самостоятельных и противостоящих друг другу атрибута. Бог есть любящий Бог и справедливый Бог, и Сам дает то, что требует. Его природа совершенна и в ней нет противоречий.

Заключение

◆ Распространению богословских знаний отчасти может способствовать осознание того обстоятельства, что богословие не должно обязательно и всегда выражаться в логически последовательной или дидактической форме. Иногда простой рассказ лучше

^[99] К.С. Льюис Собрание сочинений: В 8 т. Т.7. Настигнут радостью. Минск: Виноград; М.: Фонд им А. Меня, 2006. – С. 429.

^[100] М. Эриксон. Христианское богословие. СПб.: Библия для всех. 1999. – С. 1054.

^[101] Там же.

^[102] Страницы, № 2:1, СПб., 1997. – С. 120.

передает богословское содержание. Иисус неоднократно демонстрировал это, используя притчи. «В XX веке К. С. Льюис показал своим творчеством, что богословие может выражаться в форме занимательных историй, даже рассказов для детей».^[100]

Эриксон писал, что «художественное богословие способно доносить глубокие истины, оказывая на человека динамическое воздействие. Однако нам необходимо помнить о различии между богословскими размышлениями и передачей содержания учения».

Библиография

- C. S. Lewis. God in the Dock / C. S. Lewis. God in the Dock: Essays on theology and ethics – Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1978. – 346 p.
- David George Clark. C. S. Lewis. A Guide to His Theology / D. G. Clark – Malden, USA: «BLACKWELL PUBLISHING», 2007. – 181 p.
- Erik. J. Wielenberg. God and the Reach of Reason / New-York, USA: Cambridge University Press – 243 p.
- Гилберт К. Честертон. Вечный человек / Пер. Иосифа Косинского – Чикаго (США): «SGP», 1990. – 280 с.
- К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.1. Просто христианство. Любовь / Пер. с англ. И. Череватой, Н. Трауберг. Минск: «Виноград»; М.: Фонд им А. Меня, 1998. – 304 с.
- К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.2. Пока мы лиц не обрели. Статьи. Выступления. Интервью / Пер. с англ. И. Кормилцев и др. – Минск: «Виноград»; М.: Фонд им А. Меня, 1998. – 384 с.
- К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.7. Кружной путь или блуждания паломника. Чудо. Настигнут радостью / Пер. с англ. И. Череватой, Н. Трауберг. Минск: «Виноград»; М.: Фонд им А. Меня, 2006. – 448 с.
- К. С. Льюис. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. Письма Баламута. Баламут поднимает тост. Страдание. Расторжение брака. Размышление о псалмах. Письма к Малкольму / Пер. с англ. Н. Трауберг., Т. Шапошниковой., Г. Ястребов. – М.: Фонд им А. Меня; СПб.: «Библия для всех», 2000. – 464 с.
- К. С. Льюис. Просто христианство. Бог под судом – М.: Гендальф, 1994. – 272 с.
- К. С. Льюис. Книга первая, том 1-2. За пределы безмолвной планеты. Переландра / Пер. с англ. – М.: ЛШ «Вече», Книжное обозрение, 1993. – 336 с.
- МакАртур Джон. Толкование книг Нового Завета: 1 Тимофею. – Минск: Славянское евангельское общество. 2002. – 326 с.
- Миллард Эриксон. Христианское богословие / СПб.: «Библия для всех», – 1999., 1088 с.
- Норман Л. Гайслер. Энциклопедия христианской апологетики – СПб.: «Библия для всех», 2004. – 1184 с.
- Питер Крифт. Трактаты / П. Крифт. Небеса, по которым мы так тоскуем. Три толкования жизни – М.: «Библейско-богословский институт св. апостола Андрея», 2002. – 259 с.
- Роберт Морно. Беседы с Клайвом Льюисом: Настигнут радостью / Р. Морно. – М.: «Библейско-богословский институт св. апостола Андрея», 2003. – 75 с.
- Страницы № 2:1. – СПб.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1997. – 160 с.
- Филип Янси. Иисус, которого я не знал / Ф. Янси – 3-е изд. – М.: Триада, 2009. – 304 с.
- Эрих Фромм. Искусство любить.

Интернет ссылки

- Можейко.М.А., < <http://psylib.org.ua/books/gritz01/1%27juis.htm>>.
- James Townsend. C. S. Lewis“s Theology: Somewere Between Ransom and Reepicheep, <<http://www.faithalone.org/journal/2000i/townsend2000e.htm>>.

ДИАЛЕКТИКА ДОБРА И ЗЛА В СВЕТЕ АБСОЛЮТНОЙ БЛАГОСТИ БОГА

*“Велик Господь и достохвален,
и величие Его неисследимо.
Щедр и милостив Господь,
долготерпелив и многомилостив.
Благ Господь ко всем,
и щедроты Его на всех делах Его.
Праведен Господь во всех путях Своих
и благ во всех делах Своих.”*
(Псалтирь 144:3, 8, 9, 17)

Аннотация: Автор размышляет над сложными вопросами дуализма бытия, теодицеи, диалектического противоречия между благостью Бога и существованием зла. По мнению автора, нельзя размышлять о любви Бога, не рассматривая при этом истин о существовании зла в этом мире и справедливости Бога. При этом неизменным остается особое обетование Иисуса Христа, данное людям: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Иоанна 10:106). Переживание этого избытка, как полноты и радости бытия должно неизменно воплощаться в жизни людей, и это воплощение связано с утверждением Божьего Царства, как уже осуществленной Христом реальности, которая, тем не менее, найдет свое окончательное воплощение и в будущем.

Ключевые слова: существование зла, грехопадение, дуализм добра и зла, теодицея, благость и справедливость Бога.

Валерий Бабынин, магистр богословия, евангелист, преподаватель, художник, христианский писатель (г. Одесса).

Вступление

◆ Самый важный вопрос для каждого человека это вопрос о признании и познании Бога, как благого и любящего Отца, который постоянно и неусыпно заботится о нас каждый миг нашей жизни. Такого рода познание (или вера, если хотите) это средоточие и смысл любого существования, с которыми наша жизнь наполняется силой и радостью, и без которых наше существование теряет всякий смысл и приводит людей к бесчисленным бедам и трагедиям. Отец Небесный, так называл его Господь Иисус Христос. Только Бог может наполнить нас своей силой и благодатью для вдохновенной и успешной жизни, только его неистощимое милосердие преображает этот мир и действительно улучшает его во всех областях существования. Только его реально переживаемая человеком доброта спасает нас от полного отчаяния и разочарований в этой жизни и вводит нас в покои его великого и вечного Царства. Бог благ. И он есть любовь.

Хорошо рассуждать о доброте и любви Бога при благополучно складывающихся для тебя обстоятельствах жизни, но как сохранить эту веру в испытаниях и при активном проявлении зла в твоей жизни. Очень часто проблемы понимания Бога начинаются с переосмысления людьми существующего в мире зла и причин его возникновения. Когда человек связывает в своем сознании проявленное в его жизни зло с волей Божьей и начинает считать Бога причиной его возникновения, с этого момента начинается долгий путь испорченных отношений между творением и Творцом, — путь ропота, сомнений, обид и обвинений в адрес Бога со стороны человека.

К сожалению, на протяжении многих веков в иудео-христианской религии господствовало искаженное понимание зла и гнева Божьего, и многие церковные авторитеты и служители приложили немало сил, чтобы представить Бога гневным Судьей, в ярости наказывающим и уничтожающим людей. В связи с этим не случайно, что главным вопросом лютеровской реформации в XVI веке стала доктрина оправдания людей Богом.

Вряд ли Мартин Лютер утром 31 октября 1517 года осознал до конца, какой костер он зажег, прибывая к дверям Виттенбергской церкви свои знаменитые 95 тезисов, направленные против торговли индульгенциями и других искажений папской власти. От маленького протестного огонька немецкого монаха все древнее, ветхое здание церковного осуждения и страха вспыхнуло почти моментально и превратилось в огромный пожар, захвативший всю Европу. Но за этим великим пламенем люди наконец-то увидели очертания истинного Божьего Царства — Царства прощения и любви, оправдания и примирения людей с Богом.

Грянувшая Реформация не стала окончательным утверждением Божьего Царства на земле, но она открыла дорогу для дальнейшего постижения Божьей истины и утверждения Его воли в жизни человечества. Одним из главных достижений лютеровской Реформации стала реализованная возможность в жизни сообществ ниспровергать традиционные, закостеневшие в своем мертвом догматизме установления правящей элиты и церкви. Костер Лютера при сжигании папской буллы стал великим символом бесстрашного утверждения истины и противостояния злу, представ-

ленному на тот исторический момент папской властью. События Реформации и параллельно с ней происходящие процессы культурного Возрождения в Европе стали провозвестниками эпохи Просвещения, которая собственно и преодолела церковный консерватизм Средних веков. Развитие рационального и научного мировоззрений привело к значительному снижению слепого догматизма веры в обществе.

Наверное, реальность существования зла и искаженная доктрина осуждения человечества это и есть самая большая трагедия иудаизма и христианства, растянувшаяся на тысячелетия, которая и по сей день продолжает калечить жизни людей и искажать их восприятие истинного Бога. Люди не могут полностью избавиться от различных проявлений зла, чувства ответственности и вины, осуждения и наказания, которые они претерпевают в своих жизнях. Но одно дело рассматривать эти вещи, как временные положительные явления, помогающие людям по благодати Божьей изменить свои жизни к лучшему и совсем иное дело представлять эти явления в искаженном образе гневного и грозного Бога уничтожающего людей в аду.

Не надо быть особо одаренным и проницательным человеком, чтобы, оглянувшись вокруг себя, увидеть, как много людей на этой земле мучаются от неразрешимых для себя вопросов о существовании зла в этом мире и его происхождении, от многочисленных негативных и трагических явлений нашей жизни, от противоречивости библейских истин о любви и гнве Бога. В честном богословском исследовании нельзя писать о любви Бога, не рассматривая при этом истин о существовании зла в этом мире и

справедливости Бога. Проходит время, меняются политические и социальные условия жизни людей, изменяется (не всегда в лучшую сторону) жизнь христианской церкви. Но неизменным и незбылемым остается особое обетование Иисуса Христа, которое Он дал людям в Своей земной жизни:

«Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Иоанна 10:10б).

Переживание этого избытка, как полноты и радости бытия должно неизменно воплощаться в жизни людей, и это воплощение связано с утверждением Божьего Царства, как уже осуществленной Христом реальности, которая, тем не менее, найдет свое окончательное воплощение и в будущем.

Предпосылки проблематики и констатация благодати Бога

◆ Сама идея существования Царства или некоей счастливой страны, как запредельной для нашего существования говорит нам, с одной стороны, о том, что в каждом человеке априори живет определённое понимание и представление о том благе, которое сделает нас счастливыми людьми; и это очень важный момент в определении блага, как фундаментальной категории бытия вообще. Благо или добро присуще человеческой природе и оно же является главным, определяющим фактором нашего существования, к которому мы неизменно и постоянно стремимся. С другой стороны, в своем стремлении к лучшим условиям существования люди пытаются избавиться от негативных условий жизни, и таким образом несчастья и зло этого мира в самом широком смысле этого слова, от физического неудобства до полномасштабных катастроф и страшных

трагедий, выступают, как своего рода вспомогательные факторы, побуждающие людей к поиску и достижению лучшей жизни. Можно сказать, что зло выступает тем отрицательным зарядом, без которого не вырабатывалась бы энергия человеческого стремления к счастью.

Поэтому, при первом упрощенном взгляде на реальность мы определяем существующую двойственность, дуализм бытия. Мы находимся как бы в плену нескончаемого переосмысления и переживания таких категорий бытия, как добро и зло, жизнь и смерть, здоровье и болезнь, любовь и ненависть, душа и тело, радость и печаль, и т.д.. Кроме того, мы склонны во всем искать причинно-следственную связь вещей и явлений. Если мы чему-либо обрадовались, то тут же связываем переживание этой радости с ее источником, если мы ужаснулись, то сразу же пытаемся определить причину этой эмоции. Все наши чувства, мысли, явления, вещи и переживания с раннего детства и до глубокой старости, как огромный гобелен, связаны в нашем сознании нитями причинно-следственной связи в дуалистической картине мира. Но дуализм раздражает, он не дает постоянно или хотя бы достаточно долго наслаждаться жизнью. Только начнешь вдыхать ароматы роз и пить нектар жизненного блаженства, как тут же появляется какая-то негативная вещь или явление извне или в тебе самом, которые лишают тебя счастья и причиняют неудобства, или даже заставляют страдать. Поэтому мы всю свою жизнь пытаемся избегать негативных проявлений реальности — боли и печали, зла и страданий, и достигать удовольствия и радости, благополучия и счастливой жизни.

Однако при всей своей видимой реалистичности дуалистическая картина мира не является истинной, и она не отображает принципиальное, сущностное положение вещей. Добро и зло это лишь части реальности, равно, как и все другие противоположности. А части по своей сути ограничены и предельны, и в то же время они должны принадлежать чему-то большему, целому, тому, что объединяет их существование. Мир далеко не черно-белый, как кажется на первый взгляд, и то, что мы представляем, как полярные противоположности порой тесно переплетено между собой в том или ином явлении. Кроме того, зло не равноценно и не равносильно добру, смерть не равноценна жизни, по-прежнему в людях живет неумиряющая вера, что однажды зло и страдания полностью исчезнут из нашей жизни. И сущность человека уже в этой жизни отказывается примиряться и принимать зло этой жизни в качестве неизменной и постоянной константы, с которой нужно смириться.

Из опыта личной жизни и анализа человеческой истории можно увидеть устойчивое, пусть не всегда ясное и осознанное, но вечное стремление человечества к абсолютному Благу, которое открывает перед нами полноту и совершенство вечного счастья и блаженства. Это предчувствие истины и несогласие с дуалистической картиной мира постоянно побуждало людей искать пути преодоления дуализма бытия и объяснения проблемы возникновения и существования зла. Еще древнегреческий философ Парменид пытался преодолеть дуализм бытия и небытия в своих рассуждениях о вечно пребывающем Бытии, утверждая в своем известном тезисе,

что «бытие есть, а небытия нет». Позже его идеи подхватили Плотин и Прокл в учении об абсолютном Едином, как объединяющем первоначале всего сущего. Но настоящий прорыв в переосмыслении дуализма бытия совершил Гегель в своей диалектике развития и определении абсолютной идеи.

Гегель указал на то, что привычка нашего разума состоит в поверхностном противопоставлении простых утверждений-тезисов; то есть, если есть какой-либо тезис, то ему сразу находится антитезис. При этом Гегель совершенно верно вывел закон спекулятивного мышления, заметив, что истина зарождается там, где сходятся два противоположных утверждения и рождается новый тезис, более сложный от двух предыдущих, вбирающий в себя и синтезирующий утверждения одного и другого. Например, если в полемической беседе выдвинуть своему оппоненту тезис-утверждение: «человек добр», то он легко может возразить: «человек зол» (тезис-отрицание), и будет прав по-своему. Однако утверждение «человек является по сути добрым, но несовершенным, а значит и злым» объединит эти два тезиса и более полно раскроет глубину понимания целостной личности человека. Гегель назвал это последнее утверждение отрицанием отрицания. Если что-либо возникает и предстает нашему разуму как ограниченное и конечное утверждение (тезис), то оно тут же находит свою противоположность

(анти-тезис), и начинает взаимодействовать с ним при посредстве других категорий и определений наряду с антитезисом, приближаясь к синтезу понятий (отрицанию отрицания). В диалектическом синтезе противоположностей разуму приоткрывается идея абсолютной истины или Единого начала, которое содержит в себе все существующие отдельные тезисы и соответственно все ограниченные вещи и явления. Сила абсолютной истины в ходе развития связывает и устраняет ограниченность частных утверждений-тезисов, и на первый взгляд, даже противоположных вещей и явлений.

Если перевести этот философский взгляд в религиозную плоскость, то можно сказать, что в безначальном единстве Бога все проекции вещей и явлений взаимосвязаны и пронизаны объединяющей идеей общего бытия так, что в этом всеобъемлющем единстве всех частей физического и духовного мира нет абсолютно отдельных и автономных вещей и явлений. Все существует и движется в Едином, абсолютном Духе, величие которого непостижимо человеческим разумом. Священное Писание многократно подчеркивает величие и благодать Бога, с которым никто и ничто не может сравниться, и он один является абсолютным, высшим Благом.

«По всему велик Ты, Господи мой, Господи! ибо нет подобного Тебе и нет Бога, кроме Тебя, по всему, что слышали мы своими ушами».
(2 Царств 7:22)

«Нет подобного Тебе, Господи! Ты велик, и имя Твое велико могуществом». (Иеремия 10:6)

Господи Боже Израилев! нет подобного Тебе Бога на небесах вверху и на земле внизу; Ты хранишь завет и милость к рабам Твоим, ходящим пред Тобою всем сердцем своим».

«Велик Господь и достохвален, и величие Его неисследимо. Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его. Праведен Господь во всех путях Своих и благ во всех делах Своих» (Псалтирь 144:3,8,9,17; также Втор.33:26, 3 Царств 8:23; 1 Пар.17:20 и др.)

Бытие самого Бога в его сущности лишено дуализма добра и зла, жизни и смерти. Псалмопевец утверждает, что такие Божьи качества, как щедрость, праведность и благодать проявляются во всех делах и путях его. Можно сказать, что благодать Бога не имеет антитезиса или противоположности для самой себя, она находится за пределами человеческого понимания добра и зла в сотворенном мире. *Бог благ, и он абсолютно благ.* Все сотворенное и существующее стремится к этому высшему Благу, или иначе говоря Божья благодать все больше заполняет собой этот мир, устраняя зло, вплоть до того момента, когда Бог будет «все во всем», когда узрит его всякое око и Царству его не будет конца. В этом неизменном и безудержном стремлении самораск-

^[1] «Зло можно понимать метафизически, физически и морально. *Метафизическое зло* состоит в простом несовершенстве, *физическое зло* — в страдании, а *моральное* — в грехе». Готфрид Вильгельм Лейбниц. Сочинения в четырех томах, т. 4. — Москва: Академия наук СССР, изд. «Мысль», 1989. — С. 144.

рытия Божьей славы исчезнет все мировое зло, и все творение, все люди достигнут познания абсолютной благодати Бога и спасения от зла, греха и смерти. Поэтому мы можем определять и рассматривать все мировые процессы, как постоянный прогресс Божьей благодати на пути улучшения условий жизни людей. И только с таким мировоззрением можно увидеть в истинном свете проблему зла и дуализма существования.

Теодицея и Библия

◆ С давних времен и по сей день все мировые религии, и различные направления философской мысли пытались объяснить дуализм добра и зла, и найти причину происхождения зла. Существует огромное множество теорий и идей на эту тему. Но пожалуй, самое основательное и до сих пор не потерявшее своей актуальности учение о происхождении и существовании зла создал Готфрид Лейбниц в своей знаменитой «Теодицеи» (*букв. с латинского «оправдание Бога»*). В этой доктрине Лейбниц в частности утверждал, что все возникшее и существующее в мире в результате акта Божьего творения имеет свои пределы и ограничения, а значит все существующее, в отличие от самого Бога, несовершенно и не-абсолютно. Бог не мог создать равные себе вещи и существа (монады по Лейбницу), иначе он перестал бы быть единственным совершенным Богом. И поэтому всякая вещь и всякое существо созданные Им и отличающиеся от него это изначально вещи и существа ограниченные, имеющие свои пределы во времени и пространстве и лишённые полноты Божьего совершенства. Лейбниц назвал это первым видом зла — метафизическим злом^[1]. Человек, как

часть сотворенного Богом мира также дискретен и ограничен, и в этой ограниченности он не обладает полнотой Божественной силы и истины, равно, как и праведности. Эта ограниченность и несовершенство имеют прямые последствия для всего творения и каждого индивидуума. Например, в физическом плане мы претерпеваем немощ, боль и страдания, как нехватку или отсутствие сил, здоровья и блаженства; в душевных переживаниях мы испытываем грусть и скорбь, как отсутствие радости и счастья, в нравственной сфере мы греховны в своих мыслях и поступках, поскольку наше сознание и наша воля ограничены нашим эгоизмом в понимании и стремлении к высшему благу. Куно Фишер, немецкий философ и историк философии в своей статье о теодицеи Лейбница описывает этот переход такими словами: «Из ограниченной силы вытекает ограниченное действие и ограниченное хотение. Таким образом, зло вступает в существование. Из метафизического (зла — прим. мое) возникает действительное, которое может быть либо физическим, либо моральным: физическое состоит в ограниченном действии или в страдании, ощущаемом нами, как предел, немощь и боль; моральное состоит в ограниченном хотении, которое вместо совершенного стремится к несовершенному, стало быть, действует по эгоистическим склонностям. Физическое зло равно страданию, моральное равно греху; оба вытекают из общего источника всяческого зла, которым является предел и изначальное несовершенство ве-

щей»^[2]. При этом следует добавить, что всякое зло является лишь недостатком или отсутствием добра, и поэтому зло не равноценно добру, оно не является его адекватной противоположностью, как думали манихеи. По своей природе зло относится к добру, как несовершенное к совершенному, как бесконечно малое к бесконечно большому, а значит, в перспективе развития и воплощения Божьего замысла о мире зло уменьшается, исчезает, уступая место добру.

В целом эти положения Лейбница и Фишера согласуются с библейским учением. Согласно Писанию, наш разум и наше духовное зрение не распознают во всей полноте того совершенства, которое присуще Богу, а значит наш духовный взор и наши представления о добре и зле ограничены. В первом послании к Коринфянам апостол Павел, рассуждая о любви и пути познания Бога, говорит, что наше духовное зрение здесь на земле напоминает взгляд через тусклое стекло.

Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. (1 Коринфянам 13: 9-12)

Эта тусклая, непрозрачная пелена нашего «я» соткана из эгоизма и плотских вождлений, наших страхов, нашего неверия и недоверия к Богу. Собственно это и есть зло жизни — наша человеческая трагедия, постоян-

^[2] Куно Фишер. Учение о религии в новой философии (1860–1898 г.г.). — Санкт-Петербург: изд. «Роза мира», 2002. — С. 500. «Маргин Лютер. 95 тезисов»; цитата Ththod. Part I. Nr 21. P. 510.

ное переживание границы разделения «я» и «Бог». Наша духовная ограниченность, как частичная слепота мешает нам увидеть Бога во всей его славе, таким, каков он есть на самом деле. Апостол Иоанн выразил это такими словами:

Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть. (1 Иоанна 3:2)

В каждой человеческой жизни рано или поздно наступает момент познания совершенства Бога и его абсолютной любви и благодати. Но в земной жизни зачастую эта злая «тусклость» нашей души подобна кокону, который мешает проникновению Божьего света и его любви в наши сердца и не дает нам в полной мере насладиться блаженством познания Бога.

«Зло вытекает из несовершенства вещей, — пишет Фишер, — которое равносильно их ограничению. Но вследствие своих границ существа отличаются друг от друга и все вместе от высшего. Поэтому-то зло заключается не в Боге, а в том, что отделяет вещи от Бога и делает их особенными, индивидуальными, самостоятельными сущностями... Каждое несовершенство, каждый недостаток принадлежит индивидууму, как таковому. Существование зла зависит исключительно от индивидуума, причина зла заключается только в эгоизме человека»^[3].

Альберт Эйнштейн по-своему написал интересные слова об этом состоянии человеческой природы:

^[3] Там же, стр. 506, 507.

^[4] Альберт Эйнштейн. Howard Eves, *Mathematical Circles Adieu*. Boston, 1977. ISBN 0871502402; источник Вики-цитатник.

«Человек — это часть целого, которое мы называем Вселенной, часть, ограниченная во времени и в пространстве. Он ощущает себя, свои мысли и чувства как нечто отдельное от всего остального мира, что является своего рода оптическим обманом. Эта иллюзия стала темницей для нас, ограничивающей нас миром собственных желаний и привязанностью к узкому кругу близких нам людей. Наша задача — освободиться из этой тюрьмы, расширив сферу своего участия до всякого живого существа, до целого мира, во всем его великолепии. Никто не сможет выполнить такую задачу до конца, но уже сами попытки достичь эту цель являются частью освобождения и основанием для внутренней уверенности»^[4].

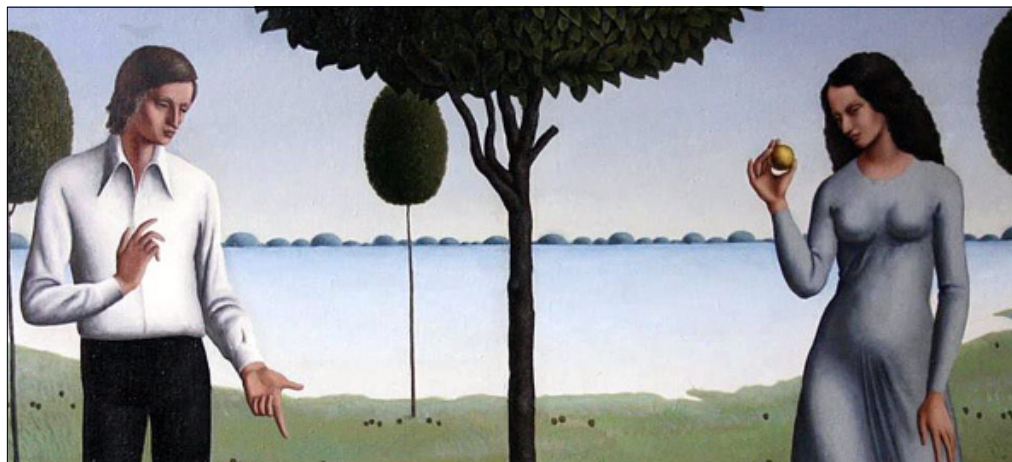
Библейское грехопадение и теодицея

◆ Предметом нашего рассмотрения является так называемое моральное зло человека (грех) и поэтому интересно в связи со всем вышесказанным рассмотреть библейскую историю грехопадения первых людей. Несмотря на все достоинства и добродетели, которыми Бог наделил людей при сотворении мира, им, как существам ограниченным и несовершенным, еще только предстоял долгий путь развития и совершенствования в различных сферах жизни. Именно эта ограниченность и незрелость сыграла важную роль в нашей разлуке с Отцом. В мистической библейской истории грехопадения с говорящим змеем мы видим, что зло и страдания вошли в мир людей через их ограниченное сознание и разрыв их волеизъявления с волей Божьей. Это был момент, когда люди как-бы выпали из колыбели

первозданной праведности и блаженства. Подобно тому, как младенец, выйдя из материнского лона, познает реальность этого мира с болью и криком, первые люди, познав разрыв с Богом, открыли для себя бездну зла и страданий. Одной из главных причин в принятии решения нарушить Божью волю была не только наша ограниченность вообще, но и наше неведение в понимании последствий такого шага. Сомнение в истинности Божьей заповеди, вера в ложь змея, как воплощение вселенского зла, да и само желание стать богами говорит о том, что люди не обладали полнотой божественной истины. Вряд ли Ева послушала бы змея и стала срывать запретный плод с древа познания добра и зла, если бы она полностью понимала, что она никак не может сравняться со Всевышним, и если бы перед ее глазами, как в кинофильме прошла вся последующая страшная история рода человеческого со всеми ее войнами, извращениями, смертями и беззакониями людей. Но девочка не понимала этого, и мальчик тоже. Древнееврейское слово *хата*, означающее грех и производные от него слова переводятся как движение в неверном направлении, упущение истинной цели. Также греческое существительное *хамартия*, означающее грех, переводится, как промах, непопадание в цель. Библия преизобилует образами, которые изображают грешников, как слепцов, людей с помраченным сознанием и сердцем (Исайя 42:18-20; 59:9, 10; Плач Иеремии 4:14; Матфея 15:14; 23:16-19; Лука 6:39; Римлянам 1:22 и др.). Сокрушаясь о своих прегрешениях, апостол Павел восклицал: **«Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю»** (Римлянам 7: 15).

Это заявление взрослого человека, апостола Христа больше напоминает поведение непослушного и неразумного ребенка, добивающегося своей цели. В книге Бытия сохранились очень интересные слова Бога о людях, сказанные Им после потопа — **«помысление сердца человеческого — зло от юности его»** (Бытие 8:21). Другими словами наши далекие от праведности помыслы и стремления происходят от нашей незрелости, юношеского неразумия, ограниченности людей. В этой оценке Бога своих творений мы видим гораздо больше сострадательного понимания человеческой природы, чем в словах многих богословов и проповедников прошлого и настоящего. Нам нужно помнить о том, что человечество это юное сообщество богоподобных существ, которым только еще предстоит открыть многие тайны Царства Небесного. Ко всем людям, начиная от Адама и Евы, применим возглас Господа Иисуса Христа на кресте: **«Отче! прости им, ибо не знают, что делают»** (Лука 23:34; также Деян. 3:17).

Конечно, представлять грех только, как юношеское неразумие и духовную ограниченность было бы слишком большим упрощением и выражением гностических идей. Гностики считали, что спасение души и ее воссоединение с божеством заключается в обладании тайного духовного знания, которое доступно только посвященным (гностикам). Получивший такое знание человек возвращается из этой жизни в сферу божественной жизни (плерому), где царят совершенство и гармония. А душевные и плотские люди, не имея такого знания, погибают во мраке этого мира. Но согласно Писанию грех это не только духовное невежество, упущение истинной цели

или промах. Еще одно еврейское слово означающее грех — *пеша*, переводится, как возмущение, протест, конфликт. Именно на этом моменте сосредоточены все проповеди и учения фундаменталистских церквей, с помощью которого служители церкви вызывают у людей чувство виновности и страха перед наказанием от Бога. Это имеет крайне негативные и подчас губительные последствия для жизни людей, но пока еще далеко не все христианские церкви готовы расстаться с этим мировоззрением. Действительно человеческое и мировое зло часто кажется активным и агрессивным по отношению к Божьему миру. Но не следует забывать, что сама эта вражда и противостояние проистекают из нашего человеческого несовершенства и ограниченного представления о благе и счастье.

Однако есть еще одно важное свойство человеческой природы, которое можно назвать чертой нашего богоподобия, и которое сыграло важную роль в нашем разрыве с Богом. Во время искушения злом человеческая ограниченность (незрелость) и желание лучшей жизни соединились с таким свойством и состоянием человеческой природы, как подобие само-

достаточности. К этому свойству нужно присмотреться особо. Совершенство Бога предполагает, что он абсолютно самодостаточен и независим от кого-либо и чего-либо. Среди сотворенного им мира нет ничего, что могло бы дополнить Его совершенство или дать Ему какие-то недостающие блага или достоинства. Самодостаточность Бога это свойство, которое подчеркивает Божью трансцендентность и его независимость от тварного мира. Люди в первозданной праведности, до грехопадения видели, что Бог несравненно больше и величественнее их самих, его слава превышала всякое вселенское великолепие. Эта бесконечная слава Бога, эта прекрасная небесная даль манила и увлекала взоры первых людей. Стремление к совершенству и улучшению жизни было заложено Богом в нашу природу, и это стремление должно соотноситься с Божьими установлениями о поступательном развитии человека. Но людям в их духовной ограниченности свойственна нетерпимость и они возжелали побыстрее еще больше уподобиться Отцу и стать такими же, как он сам. Вероятно, на это указывают слова Бога после грехопадения в книге Бытия: «**вот, Адам стал как один из Нас,**

зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно».

Змей знал, чем соблазнять. Он как-бы сразу предоставил людям шанс стать богами, не сказав им о том, что только Бог может обладать вечной жизнью, зная при этом добро и зло в совершенном виде. Для людей это право закрыто, потому что ограниченность человеческой природы предполагает постижение и переживание зла, как свойства человеческой природы, а значит, людям предстоит и познание смерти, как образа небытия. Хотим мы это признать или нет, но для нас познание и переживание дуализма бытия является своего рода законом, который мы сами преодолеть не в состоянии. От самых добрых и возвышенных чувств, от самых мудрых и глубоких мыслей, полученных нами по благодати от Бога, мы неизменно движемся в сторону зла, как состояния истощения, недостатка в любых формах. Божественный потенциал добра и силы в людях имеет ограничения своего действия во времени (но не имеет границ в перспективе вечности!). И для того, чтобы заново постичь благость бытия и перейти на более высокий уровень совершенства нам нужно от полюса добра пройти через пределы зла, пережить его, победить зло, чтобы затем, обогатившись новым опытом и знаниями, вновь вернуться к еще более глубокому постижению добра. Однако тут сразу надо сделать оговорку, что человеку вовсе необязательно от полюса добра бросаться в биполярную и крайне тяжелую форму или состояние зла. Зло, как мы уже сказали не равноценно добру и не может уничтожить или каким-то образом поглотить

добро, которое всегда представляет собой большую часть. Например, после совершения какого-либо доброго дела для других людей мы можем почувствовать усталость и острое желание отделиться от людей, побыть одному, не думать о проблемах других людей. Мы даже можем в какой-то степени быть раздражены на людей из-за их назойливости. Это тоже можно назвать проявлением нашего эгоизма, то есть зла нашей природы, но при этом мы не бросаемся на людей и не избиваем их. Для души человека гораздо лучше и безопаснее пройти пределы зла с верой и молитвой, чем оставаться наедине со злом, будучи отрезанным от общения с Богом в неверии.

И все же даже после грехопадения Бог оставил за людьми право и способность переживать состояние самодостаточности. Подобно Творцу, мы наслаждаемся принадлежащими нам благами, мы самостоятельно используем свои качества тела и разума, распоряжаемся собственными средствами, что-то создаем, планируем, организуем. Мы переживаем это чувство самодостаточности, когда видим, что от наших действий зависят жизни других людей, их положение, благополучие, здоровье; когда мы чувствуем свою независимость от влияния других людей или обстоятельств. В такие моменты мы говорим, что мы самодостаточны, мы сами являемся неким центром этой жизни. По отношению к самому Богу мы никогда не сможем стать самодостаточными существами, потому что мы всегда и во всем, каждую секунду зависим от Его милости и от его воли. Но в силу нашей ограниченности мы забываем об этой великой истине и считаем себя самих центром этой жизни, по-

падая таким образом в состояние личного отчуждения от Бога. Пауль Тиллих пишет о самодостаточности человека, как о свойстве самовозвышения «hubris» и центрированности человека в состоянии отчуждения от своей истинной сущности, от Бога:

«В отчуждении человек оказывается вне того божественного центра, которому сущностно принадлежит его собственный центр. Человек — центр самого себя и своего мира. Возможность покинуть свой сущностный центр (а вместе с этой возможностью — и искушение) дана человеку потому, что структурно он является единственным в полной мере центрированным существом. Только он один обладает не просто сознанием (которое является высокой, но неполной центрированностью), но и самосознанием, то есть полной центрированностью. Эта структурная центрированность придает человеку его величие, его достоинство и бытие — «образ Божий». Она указывает на его способность выходить за пределы и себя, и своего мира, смотреть и на то и на другое и видеть себя в перспективе как тот центр, в котором сходятся все части его мира»¹⁵¹.

В момент искушения это свойство самодостаточности вкупе с нашим неразумием и незрелостью соединилось в людях с желанием лучшей жизни и сыграло свою роковую роль. Собственно именно в этот момент и зародилось то, что сегодня мы называем свободой воли, или в более негативном смысле своеволием, волюнтаризмом, эгоизмом. И поскольку сам Бог наделил человека свободой воли

до грехопадения и правом выбора на все времена, то человек этим правом и воспользовался сообразно тому, что представлялось для него благом на тот момент. Именно после этого момента мы можем говорить о грехе, как о противлении воле Бога, о беззаконии и испорченности человеческой природы, о его духовной нечистоте и неверии. Переосмысливая эти события, очевидно, что в тот момент Адаму и Еве не хватило мудрости и смиренного доверия Богу для исполнения его воли. Но тогда из этой иллюзии самодостаточности и духовной ограниченности, под влиянием сильного желания стать еще выше и еще лучше, зло проникло в сердце человека в виде эгоистической самоуверенности, гордыни. Не понимая того, что она не может сравниться с Богом и, считая себя самодостаточной личностью, Ева захотела стать богиней, стать еще выше той, кем она являлась уже на тот момент.

Эта эволюция человеческого греха очень забавно и ярко описана А.С. Пушкиным в его «Сказке о рыбаке и рыбке». При получении благ человек не знает меры. Но это же относится с тех пор к каждому человеку, приходящему в этот мир из материнского лона. Дети торопятся в своем неразумии, и своевольно считают, что они уже созрели для тех иных благ, вещей или привилегий. Как неразумный капризный ребенок топает ножкой, не понимая, что ему нельзя играть с со спичками и заливаются слезами от запрета родителей, так и взрослые люди порой, не получая или лишаясь каких-либо благ, не понимают Бога и ожесточают против Него свое сердце. Библия описывает сильные желания, страсти людей, как похоть. Обладая подобием самодостаточности и волей

¹⁵¹ Пауль Тиллих. Систематическая теология. — Москва — Санкт-Петербург: изд. «Центр гуманитарных инициатив», 2017. — С. 394.

при ограниченном знании, люди разжигаются различными страстями и желаниями в стремлении к благам, но оторванные от общения с Богом они не могут осознать насколько важны для них и действительно ли так необходимы им те или иные объекты их вожделений. Похоть сметает все Божьи установления, которые в жизни веры помогают человеку действительно сохранить и улучшить свою жизнь.

приносит радость и удовлетворение. Но постоянное злоупотребление алкоголем приводит человека к отравлению организма, тяжелому состоянию похмелья и различным болезням. Так Бог устроил наши организмы, что они негативно реагируют на проявления нашей греховной, ограниченной природы, будь то алкоголь (похмелье, депрессия, болезни), наркотики (абстиненция, раздражительность, бо-

Невозможно до конца объяснить феномен зла нашей духовной природы, но, вероятно, наша духовная ограниченность в сочетании с эгоизмом (иллюзией самодостаточности) предполагает также и существование метафизического личного зла, как искаженной копии, ограниченного подобия божественности, и соответственно, борьбы с истинным Богом.

И по сей день в современном мире люди отбрасывают Божьи запреты, считая их пустыми и ненужными предрассудками, которые лишь мешают им жить полной жизнью и получать максимум удовольствий. Но именно эта чрезмерность (похоть) в потреблении благ и безудержном стремлении к удовольствиям лежит в основе всякого рода зависимостей — алкогольной, наркотической, сексуальной, игровой и других.

Всякий раз, получая и используя то или иное благо против воли Господа, человек получает временное греховное удовольствие, если, конечно, возможности организма и условий жизни позволяют ему это сделать. Но в то же время человек укореняется в своем гибельном состоянии. Это можно проиллюстрировать на примере употребления алкоголя. Умеренная доза хорошего вина, выпитого на празднике в кругу родных и друзей,

лезни), блуд (пустота в душе, разочарованность, болезни) или что-либо еще. И слава Богу за это! Эти негативные физиологические и психологические проявления заставляют нас раскаиваться в содеянном, искать новую лучшую жизнь, люди не могут жить во зле. К сожалению, негативные последствия грехов быстро стираются из памяти людей, особенно в молодости, влечение к удовольствиям вновь и вновь перевешивает здравый смысл.

В молодом возрасте, как правило, организмы быстро восстанавливаются, и греховность снова и снова подталкивает человека к новым проявлениям греха. Со временем постоянная эксплуатация нашего тела для извлечения из него различных удовольствий приводит к алкоголизму и наркомании, сексуальным извращениям и просмотру порнографии, чревоугодию, алчности в накоплении

средств, игровой зависимости, к воровству и получению взяток для ведения «достойной» жизни, и прочим грехам. Но даже очевидные негативные последствия греховной жизни, предупреждения медиков, психологов и ученых, криминальные преследования за совершаемые преступления не удерживают и не спасают людей от греха. Без веры и познания истинного Бога люди не видят иного смысла в своей жизни, кроме эгоистического самоудовлетворения.

Тиллих описывает грехопадение также как процесс перехода от сущности человека или «спящей невинности» к его трагическому существованию или «пробужденной свободе». Он пишет:

«В библейском повествовании о сотворении мира имеется момент, который зачастую упускают из виду: речь идет о божественном запрете вкушать от древа познания. Любое повеление предполагает, что повелеваемое еще не исполнено. Божественный запрет предполагает наличие своего рода раскола между Творцом и творением — раскола, который делает повеление необходимым даже в том случае, если оно дается лишь для проверки послушания твари. Наличие этого раскола — самый существенный момент в интерпретации падения. Ведь тем самым предполагается такой грех, который еще не стал грехом, но уже перестал быть невинностью. Это — желание грешить. Состояние этого желания я предложил бы назвать «пробужденной свободой»¹⁶¹.

Подобное понимание Божьего запрета и закона вообще, а также человеческой склонности к греху видимо подвигла и апостола Павла говорить о

том, что «законом обнаруживается грех», и «я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай» (*Римлянам 7:7,8*). То есть о каких-то злых, греховных действиях мы можем даже не задумываться, но если мы сталкиваемся с запретом закона, то в нас пробуждается греховная, бунтарская природа — желание попробовать, сделать это. Это, как зверь, дремлющий внутри каждого человека. Невозможно до конца объяснить этот феномен зла нашей духовной природы, но вероятно наша духовная ограниченность в сочетании с эгоизмом (иллюзией самодостаточности) предполагает также и существование сферы личного зла, как искаженной копии, ограниченного подобия божественности, и соответственно борьбы с истинным Богом.

Ведь не случайно Бог в дальнейшем присвоил Иакову имя Израиль, что означает «борющийся с Богом». Первое и единственное негативное правило в эдемском саду «не прикасайтесь» указывает на потенциальную возможность прикосновения и нарушения запрета; а значит возникновение зла, пусть и в его потенциальном виде, предшествует появлению закона. Да и само существование змея, как олицетворения мирового зла говорит о том, что зло уже существовало до его возникновения в человеческой жизни. Божий закон, переданный людям, как декларативная и объективная реальность этого мира, стал одновременно и мерилем Божьей праведности, и индикатором, который обнаруживает человеческое несовершенство.

Однако возмущение и противостояние воле Бога привело людей к тому, что было утрачено самое важное благо нашей жизни — блаженство богопознания и доброго общения с Отцом

¹⁶¹ Пауль Тиллих. — С. 378.

Небесным. При этом понимание блага и добра остается в сознании и жизни людей, однако оно опускается на уровень сотворенных вещей и земных удовольствий. Если чего-то люди и хотят по-настоящему, так это жить лучше. «Если мы смертны и не знаем Бога, то лучшее, что у нас есть это земная жизнь с ее удовольствиями. Возьми, как можно больше и уйди», — такова мирская философия гедонизма. Ограниченное сознание не позволяет человеку увидеть высшее благо богопознания, как благодатное и необходимое условие счастливой жизни.

В иллюзии собственной самодостаточности, при отсутствии понимания Божьей воли и неистребимом желании жить лучше, человек сам решает, что хорошо, а что плохо. Эти три фактора и по сей день являются основными составляющими любого греха, будь то жажда денег, благополучия, сексуальная зависимость или увлечение допингами.

Воля человека, отчужденная от благой воли Всевышнего, погружается в хаос греховных и эгоистических желаний, гордыня ослепляет и лишает человека адекватной самооценки, грех, как сумерки сознания, воли и эмоций покрывает жизнь человека и частично лишает его небесного света. Многие формы физического, ситуационного зла (болезни, конфликты, нищета, бедствия и пр.) человек претерпевает из-за проявления морального зла в его жизни. И только пройдя этими коридорами зла, испытав страдание и отчаяние, духовную пустоту и отчужденность, человек снова ищет пути возвращения к нравственным добродетелям или к Богу, как к высшему Благу.

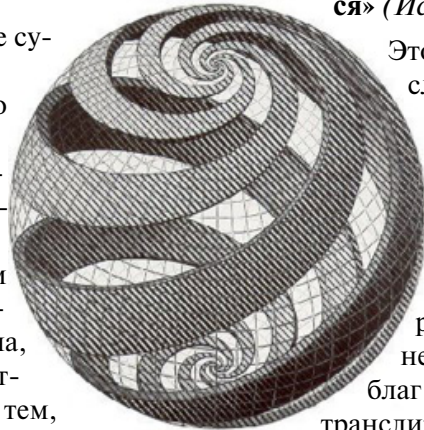
Относительность зла

◆ Но, даже оказавшись в таком плачевном состоянии, нам не следует забывать о первопричине возникновения зла, — о его необходимости в несовершенном мире, о нашей ограниченности, как сотворенных существ, а также о подчиненном положении зла по отношению к добру и его конечности и относительности.

«Без несовершенства мир был бы не совершеннее, — пишет Фишер, — а его не было бы вовсе. Без возможности зла не было бы ничего совершенного, ничего доброго. Без индивидуальных ограничений, без материи не было бы природы, связи вещей, мировой гармонии. Материя, как разъяснили мы вместе с Лейбницем, есть негативное условие мировой гармонии. На том же основании и теперь нам следует примкнуть к его суждению, что зло есть негативное условие добра. Лишь это дает главное средство для решения вопроса. Во-первых, мы пришли к заключению, что зло никогда не может победить добро; во-вторых, что оно не противоположно ему, а скорее подчинено, и именно таким образом, что не имеет силы препятствовать совершенству целого; наконец, в-третьих, что оно скорее поддерживает это совершенство, способствует ему и само служит добру. Оно часть той силы, которая всегда хочет злого и всегда творит доброе. В восходящем ряду вещей, как и в процессе развития индивидуума, существует постоянный прогресс, постоянное усовершенствование. Поэтому несовершенство нигде не может засыпать в неподвижности... Сила и действительность добра состоит в торжестве над злом во всех его видах. Добро, которое не борется со

злом и не побеждает в этой борьбе, не деятельный принцип, а пустая фикция. Поэтому Лейбниц рассматривает зло как отрицательное и подлежащее отрицанию условие добра, т. е. как силу, которая должна существовать, чтобы быть побежденной. Зло в мире можно сравнить, по остроумному уподоблению Лейбница, с тенью на картине, с диссонансами в музыке, не только не искажающими художественного произведения, но даже содействующими гармонии целого. Что кажется нам в отрывке беспорядочным и неблагозвучным, то в целом производит впечатление красоты и благозвучия»¹⁷¹.

Иными словами, любое существо в сотворенном Богом мире изначально содержит в себе силу и потенциал добра, которое существует и реализуется до определенного предела, чтобы затем на какое-то время уступить место действию зла, как ограничению, отсутствию, пустоте, но не с тем, чтобы исчезнуть в своей сущности, а с тем, чтобы пережить паузу или виток проявления зла, и затем снова наполниться благодатной силой от Бога и продолжить свое существование в направлении к совершенству, к новому более высокому уровню добра или блага. Особенно важно помнить об этом тогда, когда человек попадает в полосу несчастий и переживает какой-то кризис в своей жизни, чувствует слабость, апатию, усталость.

В книге Исаяи мы находим такие слова об этой истине:

«Как же говоришь ты, Иаков, и высказываешь, Израиль: «путь мой сокрыт от Господа, и дело мое забыто у Бога моего»? Разве ты не знаешь? разве ты не слышал, что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает? разум Его неисследим. Он дает утомленному силу, и изнемогшему дарует крепость. Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся» (Исаия 40:27-31).

Это прекрасное благословенное видение жизни вообще и своей жизни в частности — Бог, как неистошимый источник энергии для всего сущего, который «не утомляется и не изнемогает». Бог благ и он постоянно транслирует, передает свою благодать этому миру. Если в какой-то момент жизни человек субъективно переживает, что действие добра прекратилось, то это никоим образом не означает, что действие добра прекратилось объективно и окончательно, как например, в связи с наступлением болезни организма или физической смерти тела. Болезнь это проявление такого состояния в организме человека, при котором обнаруживается недостаточность в теле человека тех или иных веществ или условий для здорового функционирования организма. Болезнь сигнализирует об этой недостаточности и организм начинает

¹⁷¹ *Куно Фишер*. Учение о религии в новой философии (1860—1898 г.г.). — Санкт-Петербург: изд. «Роза мира», 2002. — С. 500. «Мартин Лютер. 95 тезисов»; цитата Thhod. Part I. Nr 21. P. 510.

бороться с болезнью при помощи встроженных в него систем — иммунной, эндокринной, кровеносной, нервной и других (а это тоже законы Творца), вырабатывая необходимые человеку вещества и приближая момент выздоровления. В борьбе с болезнью человеку могут помочь также врачи и лекарства. В результате переживания болезни человек приходит к трем возможным вариантам исхода болезни: 1) к выздоровлению организма (проще говоря — восполнению, восстановлению здоровья, как блага), 2) болезнь становится затяжной (продолжение действия негативных условий существования, то есть зла), 3) происходит летальный исход (крайнее проявление зла в земной жизни человека). Но и смерть является лишь переходом к новому, гораздо более совершенному уровню жизни человеческой личности в запредельном мире. В любом случае волны транслируемого Богом добра в нашей жизни чередуются с более короткими (но необходимыми!) темными полосами зла, подобно тому, как потоки солнечного света, попадая в темное помещение чердака на крыше идут световыми потоками — пучками. В физике это явление называется интерференцией света. Темные полосы в этом явлении не означают, что Солнце исчезло или прекратило излучать свет. Точно также и виток зла в жизни человека не означает прекращение действия Божьей благодати. Бог продолжает управлять всеми процессами в жизни человека. И даже в болезни и смерти продолжают действовать Божьи энергии и законы, *зло никогда не абсолютизируется, оно относительно* и не имеет оснований для автономного существования и поэтому зло не способно одержать победу над силами добра.

В определенном смысле можно сказать и так: то, что представляется злом для нас, для Бога таковым не является. В трансцендентной сущности Бога зло исчезает, как антагонистичное к добру негативное явление, каковым оно представляется для людей в их дискретной и дуалистичной реальности. Бог охватывает Своим провидением все уровни бытия и это проявленное, сотворенное им бытие целиком и полностью находится во власти Его совершенной и благой воли. Именно поэтому некоторые авторы Библии свободно приписывают проявление зла воле Божьей. Так в книге Иова мы читаем, что сатана был призван Богом к общению с ним вместе с остальными сыновьями Бога, чтобы отчитаться перед Богом о своей деятельности на земле и получить повеление принести бедствия и смерть детей в жизнь Иова (Иов 1:6-12). Это стало началом долгих и мучительных страданий для этого человека, которого само Писание называет праведным. И только пережив эти назначенные Богом страдания, пройдя через их переосмысление и душевную боль, Иов обрел новые, еще большие благословения от Бога (Иов 42:12-17). Даже если эта сцена с сатаной и является придуманным поэтическим мифом автора книги Иова, за ней, несомненно, стоит истинное представление израильтян об отношениях между Богом и сатаной, как воплощением мирового зла.

В исторических книгах Ветхого Завета мы также можем найти подтверждение этой идеи. К царю Саулу, как сказано в 1 книге Царств, был послан «злой дух от Бога», который возмущал его и ожесточил его сердце против Давида так, что Саул взял копье и хотел убить Давида (1 Царств 16:14-

23; 18:10,11; 19:9,10). То есть, помимо личной греховности, на Саула воздействовала еще какая-то злая сила от Бога, побуждающая его к совершению убийства. Давид спасся бегством от агрессии Саула и дальнейшие события, в конце концов, привели к низвержению Саула с трона и к воцарению на престоле Израиля Давида, от рода которого и произошел в будущем Мессия и Сын Божий Иисус Христос. Сегодня мы можем предположить, что Саул страдал каким-то психическим заболеванием вроде маниакально-депрессивного психоза. Но такое библейское описание его поведения говорит о том, что древние израильтяне более спокойно относились к идее происхождения зла от Бога, чем тот же Иаков в Новом Завете, который писал в своем послании: «что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого» (Иаков 1:13). Истории с первыми патриархами веры Иаковом и Иосифом повествуют нам о том, как допущенное Богом зло в их жизни обернулось добром и спасением для израильского народа (Бытие 45:4,5). Пророк Исайя передает слова Господа, в которых нам открывается взаимосвязь мира, спасения и правды Божьей с тем злом, которое Бог посылает на землю:

«Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия (в оригинале — творю, создаю зло); Я, Господь, делаю все это. Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают правду; да раскроется земля и приносит спасение, и да произрастает вместе правда. Я, Господь, творю это». (Исайя 45:7,8).

И наконец, величайшее зло в истории человечества — издевательства и распятие Сына Божьего, как мы читаем в Писании, было предопределено и

назначено самим Богом (Матфея 26:52-54; Иоанна 19:11; Деяния 4:27, 28).

Все эти и другие многочисленные истории из Священного Писания и жизни вообще указывают на то, что мировое зло не только подконтрольно и управляемо Богом в реализации его замысла о создании лучшего мира, но и является Его волеизъявлением. Но хочется еще раз повторить — то, что представляется злом для нас, для Бога таковым не является. В трансцендентной сущности Бога зло исчезает, как антагонистичное к добру негативное явление, каковым оно представляется для людей в их дискретной и дуалистичной реальности. Надо признать, что сознание и души миллионов людей по всему миру продолжают мучать эти вопросы: «зачем нужно было создавать такой мир, в котором содержится столько зла, боли и страданий;

является ли Бог автором зла, и значит греха соответственно?». Богобоязненным людям кажется, что утвердительный ответ на последний вопрос является богохульством, а отрицательный верностью истине. На самом деле люди иногда ставят вопросы, которые, по сути, предполагают ограниченные неверные ответы с последующими неверными выводами. Действительно, мы не имеем морального права на однозначное утверждение «Бог является автором зла», потому что такой тезис приводит людей к представлению о Боге, как о злом и несправедливом существе. При этом, как правило, исключается из рассмотрения истина о том, что Бог является автором и творцом добра и всех существующих благ во вселенной, а зло это лишь вторичное и подчиненное ему явление, необходимое для становления и совершенствования этого мира в его устремленности к высшему Благу. Однако признать, что этот мир изначально не совершен, а значит, содержит в себе зло по воле Создателя, мы можем и должны. В той же книге Иова, когда жена советует Иову похулить Бога и умереть, то есть испытать на себе крайние формы зла, чтобы исчезнуть из этой ужасной реальности, Иов отвечает ей: **«ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?»** (Иова 2:9, 10).

Иногда, читая христианских авторов, создается впечатление, что проблема зла является неразрешимой проблемой для христианского богословия. Например, вот как описывает эти проблемы известный английский богослов Томас Райт в своей книге

«Тайна зла»:

«В рамках нашей западной философской традиции мы склонны ставить вопрос примерно таким образом: что Бог может сказать нам о зле? Мы привыкли искать объяснений. Мы хотим знать, что такое зло, как оно появилось (хотя бы в общих чертах), почему оно может продолжать существование и как долго будет длиться такое положение вещей. И мы найдем эти вопросы в Библии, однако будем разочарованы, не найдя здесь полных ответов на них, причем библейские ответы определенно относятся не к той категории, которые могла бы признать удовлетворительными поздняя философская традиция».

И далее:

«В Ветхом Завете постоянно в разных сочетаниях звучат три темы: зло как идолопоклонство, которое влечет за собой утрату человечности; зло как результат деятельности порочных людей, которые с особым усердием навлекают зло на праведников; и зло как дело «сатаны» (это еврейское слово означает «обвинитель»). Ни одна из этих тем не раскрывается так, чтобы дать нам полное объяснение. Создается впечатление, что Библия просто не желает отвечать на вопрос, что бы сказал Бог о проблеме зла. Это подтверждает мнение, высказанное мной в предыдущей главе: некоторые христианские мыслители призывали не пытаться объяснить зло вообще»^[8].

Само собой разумеется, что богословие или религия, которая уклоняется от объяснения фундаментальных вопросов бытия мало чего стоит для формирования жизнеспособного мировоззрения в обществе. Нельзя согласиться с Райтом и в том, что «Библия

^[8] Том Райт. Тайна зла. — Москва: изд-во «ЭКСМО», 2010. — С. 49, 50.

просто не желает отвечать на вопрос, что бы сказал Бог о проблеме зла»; в указанных выше отрывках из Писания мы видим достаточно определенную позицию библейских авторов на возникновение и действие зла. Кроме того, если человек в своем мировоззрении отделяет Бога от факта возникновения и существования зла, то он теряет при этом представление о Боге, как о всевластном суверене — Творце всего сущего. Если Бог не участвовал в создании зла, тогда непонятно вообще, откуда оно могло возникнуть как фундаментальный принцип мироустройства (пасторские ответы «потом узнаем» людей не устраивают); при таком понимании зло выступает самостоятельной и внешней по отношению к Богу силой, которая одним фактом своего существования ограничивает Бога и предполагает некую автономность зла, а это уже абсурд и богохульство.

Выводы и заключение

◆ Исходя из всего вышесказанного, мы можем констатировать, что только на уровне проявленного бытия добро и зло становятся комплементарными, взаимодополняющими и необходимыми явлениями, и это чередование добра и зла пока еще сохраняется ввиду нашей ограниченности и несовершенства. В связи с этим крайне важной практической задачей для каждого человека является задача научиться воспринимать зло, как временное и необходимое условие существования и средство для развития мира в его устремлении к совершенству. С одной стороны это позволяет правильно оценивать зло всякого рода и не искать пути примирения и оправдания морального зла; а с другой — это дает постоянный позитив-

ный настрой для продолжения жизнедеятельности и духовного развития человека. Зло в какой-то мере, как уже было сказано выше, становится тем отрицательным зарядом с помощью которого вырабатывается жизненная энергия для достижения благих целей. Не надо искать каких-то особых доказательств, достаточно окинуть окружающий нас мир беглым взглядом и посмотреть на все многообразие человеческой деятельности во всех сферах жизни, чтобы увидеть, — главной причиной большей части человеческих усилий является желание избежать зла, болезней, страданий и всякого рода неудобств и неурядиц на пути улучшения и преобразования условий жизни. Сотворенный Богом мир имеет своей целью не ухудшение и деградацию, а постоянное неизменное движение к совершенству.

Бог сам является основателем и вдохновителем этого прогрессивного развития мира и человечества, и он не оставил человечество в одиночестве на пути преодоления и избавления от зла. Каждый человек, приходящий в этот мир сохраняет в себе его образ, те свойства и достоинства божественной природы, которые сделали людей венцом Божьего творения на Земле — дух, разум, волю, способность любить и сострадать другим людям, творить и преобразовать этот мир в культурной деятельности. Жизнь на Земле это постоянный, неудержимый прогресс Божьей благодати в жизни всего человечества. Этот прогресс охватывает все стороны жизни людей и основывается этот прогресс не на действиях человечества, а, прежде всего, на силе и всемогуществе любящего людей Бога. Его любовь является источником, который производит и наполняет

ет людей энергией и всеми необходимыми средствами для ведения духовной и культурной деятельности в самом широком смысле.

Божий замысел о преодолении разрыва между Его благостью и нашей ограниченностью (греховностью) особым образом реализуется через Божье воплощение в человека и установление Нового Завета с человечеством Божьим Сыном Иисусом Христом. По отношению к проблеме зла воплощение Христа указывает также на нашу несостоятельность и даже невозможность самим преодолеть зло и одержать победу над ним. Сотворенным, ограниченным существам для нашего духовного роста и развития в целом постоянно нужна энергия абсолютного Блага, нужен источник, духовный центр соединения с Богом. И в Божьем замысле таким источником, мостом, дверью (символы могут быть разными) становится Богочеловек соединяющей в себе две природы — божественную и человеческую. Эта истина многогранна и глубока в своем величии, но она показывает нам, что Бог не оставил человечество в постоянном переживании дуализма бытия, борьбы добра и зла, жизни и смерти. Он вводит человека в свое сущностное бытие, делает нас, как пишет апостол Петр, причастниками своего божественного естества (2 Петра 1:4), где зло и смерть исчезают, уступая дорогу блаженству вечной жизни с Богом.

Рассматривая историю человечества, невозможно отрицать прогресс во всех сферах человеческой жизни, от древнего мира до сегодняшнего дня. Даже простое историческое сравнение положения людей в древности и в современном мире указывает на этот прогресс и улучшение жизни в духов-

ной, политической, экономической, научной, медицинской, образовательной и других сферах жизни. Ушли в прошлое великие рабовладельческие империи с нещадной эксплуатацией и отсутствием гражданских прав у простых людей. Все меньше остается стран с господством религии на государственном уровне. Благодаря идеям естественного права и христианским ценностям в жизни разных народов воплощаются принципы демократического мироустройства, при котором каждый человек имеет равные права перед законом, право на свободу слова, вероисповедания, выбор страны проживания и другие права демократических сообществ. Все больше и больше государств уделяют особое внимание системе социальной защиты незащищенных слоев населения — инвалидам, старикам, детям, а также развитию образования, страховому медицинскому обслуживанию и пр. Огромное количество благотворительных организаций по всему миру, исполняя Божьи заповеди, оказывают помощь различным категориям людей и тем самым снимают социальную напряженность в обществе. К сожалению, многие люди в современном многосложном мире разучились ясно и просто распознавать благо и добро, а уж тем более благодарить за них Бога. Они скорее будут представлять действительность в мрачных тонах, нагнетать истерию вокруг скорого конца света, изучать легенды о масонах и теневом мировом правительстве и пр. И такое негативное мировоззрение остается главенствующим в жизни многих людей, потому что это мрачное видение является проявлением зла и отчужденности их собственной души. Но, рассматривая Божий замысел, всегда поражаешься его величию, красоте и гармонии. Бог

неизменно устраняет зло и снижает долю его влияния в жизни людей. И он по-прежнему царствует.

Исцеляющая и исправляющая сила Божьего суда иногда побуждает нас пройти через боль и зло этой жизни в тех или иных формах. Но мы же соглашаемся пройти курс лечения или лечь на операцию, когда врач говорит нам о ее необходимости. Насколько же более мы должны доверять нашему Небесному Отцу, который желает своим детям блага и ведет их в свое вечное Царство мира, добра и справедливости. Каждый день Божья благодать и усилия Духа направлены на то, что бы дать нам лучшее, удовлетворить наши нужды, открыть свет вечной жизни, но, к сожалению, сила живущего в нас греха зачастую угашает в нас благодатное действие Духа, отвергает его водительство и попечение. Однако человеческая жизнь начинается преображаться только тогда, когда сквозь все невзгоды и лишения, человек видит неугасающий свет Божьей любви и в этом свете ожидает от этой жизни только лучшего.

Новое творение и новый мир уже начали воплощаться в этом мире после смерти и воскресения Иисуса Христа. Мы живем в период Нового Завета человечества с Богом. Поэтому негативная болезненность дуализма добра и зла в будущем все более и более будет сходиться на «нет», уменьшая влияние зла в жизни народов. И все ярче и ярче будет разгораться свет Христа и его присутствия в этом мире. Но это не свет божественного

^[9] В статье использованы гравюры Мариуса Эшера и картина Сергея Белика (Одесса). Автор, Валерий Бабынин делится своими размышлениями о теодицеи, дуализме добра и зла, благодати и суде Бога на своей странице в Фэйсбуке, которая так и называется: «Проблема зла и благодать Бога».

или человеческого насилия и вечного наказания в адском пламени, а свет Божьей любви и благодати для людей, свет преображения и освящения человечества. Поэтому очень важно каждому человеку принять и утвердиться в истине о том, что любовь и благодать Бога это не относительное явление или качество Бога, которое может то возникать, то исчезать в зависимости от того, как мы себя ведем или как Бог сегодня настроен. Благодать Бога это его неизменный и глубинный принцип существования, это ядро нашей жизни, которое, оставаясь невидимым, тем не менее, постоянно поддерживает и сохраняет все жизненно важные процессы нашего организма и окружающего мира. Благодать Бога это основание существования Вселенной, без которой она тут же исчезнет, если Божья благодать и его любовь пропадет хотя бы на микросекунду. Если мы примем эту истину, как главный факт своего собственного и вселенского существования вообще, то из этого можно сделать простой логический вывод — все мы и вся наша жизнь со всеми ее радостями и печалью, взлетами и падениями, надеждами и разочарованиями — это утверждение и переживание нами его благодати и любви в нас^[9].

Использованная литература

- Готфрид Вильгельм Лейбниц.* Сочинения в четырех томах, т. 4. — Москва: Академия наук СССР, изд. «Мысль», 1989.
- Том Райт.* Тайна зла. — Москва: изд-во «ЭК-СМО», 2010.
- Пауль Тиллих.* Систематическая теология. — Москва — Санкт-Петербург: «Центр гуманитарных инициатив», 2010.
- Куно Фишер.* Учение о религии в новой философии (1860—1898 гг.). — Санкт-Петербург: изд-во «Роза мира», 2002. — С. 504; «Мартин Лютер. 95 тезисов».
- Альберт Эйнштейн.* Howard Eves, *Mathematical Circles Adieu*, Boston, 1977.